

Поддержку данного проекта осуществляют Московский общественный научный фонд совместно с Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО
УРАЛЬСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ УрГУ

В. Ю. ХОТИНЕЦ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2002

ББК С550.65
Х852

Рецензент
доктор исторических наук,
профессор *Л. М. Дробижева*

Хотинец В. Ю.

Х852 Этническая идентичность и толерантность. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 124 с.

ISBN 5 — 7525 — 0600 — X

Книга предназначена для тех, кто хочет разобраться в феномене и сущности этнической идентичности, понять этническую толерантность как способ существования человеческого сообщества в поликультурном мире.

*В оформлении обложки использована репродукция
картины Д. Байковой «Зов предков»*

X $\frac{0301010000 - 289}{182(02) - 2002}$

ББК С550.65

ISBN 5 — 7525 — 0600 — X

© Хотинец В. Ю., 2002
© Издательство Уральского
университета, 2002

ВВЕДЕНИЕ

События, которые предшествовали ХХІ веку и ознаменовали его начало, востребовали от мирового научного сообщества обращения к проблемам национальной и социальной политики. Перед гуманитарными науками, науками о человеке и обществе были поставлены задачи разработки идеологий и концепций по толерантности и ненасилию, превенции экстремизма в условиях современной цивилизации. Эти задачи стали генеральными для Уральского межрегионального института общественных наук, сотрудничающего с различными центрами изучения толерантности в России, в том числе с академическими институтами и Федеральными программами содействия толерантности в РФ.

Существуют различные точки зрения относительно феномена толерантности. В обыденном сознании слово «толерантность» воспринимается как синоним слова «терпение». Даже у несведущего в науке человека возникает в связи с этим простой вопрос: «Кого терпеть и в чем проявляется это терпение?» Согласно мнению ученых Уральского МИОН, на сегодняшний день ни в российской, ни в западной общественной науке не существует сколько-нибудь прочного согласия в вопросе о том, что есть толерантность (см.: Хомяков, 2001). Одни рассматривают ее в ряду фундаментальных добродетелей, основывают на принципе «приоритета права над благом». Другие полагают, что толерантность, о которой начали говорить в эпоху религиозных войн и Реформации, в современном мире приобрела принципиально иной характер. Третьи существенно расширяют названное понятие как в историческом аспекте, возводя его начало к древним цивилизациям, так и в теоретическом, считая его чрезмерно разнообразным и потому в условиях современности подлежащим замене на «modus vivendi» — временное политическое равновесие.

Перед наукой стоят сегодня важные вопросы, а именно: что представляет собой толерантность, какую роль она играет в обществе, как разрешить противоречие между глобальным характером современной цивилизации и этнокультурным миром, между тенденцией к универсализации способа жизне-

деятельности в мировом масштабе и сохранением этнической идентичности.

В ходе их разрешения возникают серьезные методологические проблемы. В методологии наук о человеке не раз заявлялось, что феноменологизм в науке способствовал ученым, занимающимся тем или иным явлением, изучать его в том виде, в каком он предстает их собственному восприятию на основе собственного феноменологического опыта. Тем самым сущность изучаемого явления подменялась феноменологическими репрезентациями. Так, феноменологические репрезентации какого-либо явления в сфере микро-, мезо- и макросоциальных структур выдаются за само явление, а феноменологические его отображения в способах жизнедеятельности принимаются за ее сущность. Может быть, толерантность есть продукт, порожденный каким-либо явлением или процессом и проецируемый на различные модальности существования и жизнедеятельности человека? Тогда нужно начинать изучать то явление или тот процесс, который и порождает толерантность.

Чтобы разобраться в этом, нужны фундаментальные разработки проблемы толерантности специалистами различных отраслей знаний с учетом четких философско-методологических принципов и теоретических подходов современной науки. Предложенная работа являет собой попытку найти ответы на актуальные вопросы, заявленные в психологической науке по проблеме толерантности. Круг их очень широк и многообразен. Остановимся на тех, которые сегодня очевидно волнуют психологов-исследователей. Феноменологической репрезентацией какого социально-психологического явления становится толерантность? Каким образом происходит социогенетическое становление толерантности? В каких способах жизнедеятельности она отображается? Каковы формы и модусы ее существования в процессе социализации человека, формирования его социального опыта? И, наконец, в чем суть социально-психологического феномена толерантности?

ГЛАВА 1. ИДЕНТИЧНОСТЬ: РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ

1.1. ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ЗАВИСИМОСТЬ

Содержание. Идентификация в психоанализе рассматривается как бессознательное ощущение, уподобление себя другой личности. Согласно З. Фрейду, это уподобление чужому Я, вследствие чего первое Я в определенных отношениях ведет себя как другое, подражает ему, принимает его в известной степени в себя (см.: Фрейд, 1989, с. 338—339). Идентификация есть самое раннее проявление *эмоциональной связи с другим лицом*. «Малолетний мальчик проявляет особенный интерес к своему отцу. Он хочет стать таким и быть таким, как отец, хочет решительно во всем быть на его месте. Можно спокойно сказать: он делает отца своим идеалом. Его поведение не имеет ничего общего с пассивной или женственной установкой по отношению к отцу (и к мужчине вообще), оно, напротив, исключительно мужественное» (Фрейд, 1925, с. 47). Идентификация стремится сформировать собственное Я по подобию другого, взятого за «образец». Она играет определенную роль в развитии того, что З. Фрейд назвал Эдиповым комплексом.

В иной ситуации З. Фрейд выделяет идентификацию при невротическом образовании симптомов. «Предположим, что маленькая девочка испытывает тот же симптом болезни, как и ее мать, например, тот же мучительный кашель. Это может происходить различно. Либо идентификация та же из Эдипова комплекса, т. е. означает враждебное желание занять место матери, и симптом выражает объектную любовь к отцу; симптом реализует замену матери под влиянием чувства виновности: ты хотела быть матерью, так теперь ты стала ею, по крайней мере, в страдании. В таком случае это законченный механизм истерического симптомообразования либо симптом, равный симптому любимого лица (если бы девочка имитировала кашель отца); тогда можно описать происходящее только таким образом, что идентификация заняла место объектного выбора, объектный выбор регрессировал до идентификации» (там же, с. 48).

Таким образом, идентификация является *самой ранней и самой первоначальной формой эмоциональной связи*. В условиях образования симптомов, т. е. вытеснения и господства механизмов бессознательного, часто случается, что объектный выбор становится идентификацией, т. е. Я перенимает качества объекта. Продолжительная зависимость ребенка от родителей обеспечивает развитие идентификации, которая решает Эдипов комплекс и создает условия для обретения суперэго. Ребенок усваивает модели полоролевого поведения, нравственные ценности, моральные нормы, установки для выполнения гендерной роли.

Становление и развитие. По мнению Э. Эриксона, с эпигенетической точки зрения процесс становления идентичности происходит как развивающаяся конфигурация посредством включения ряда значимых идентификаций на протяжении всего детства с целью создания единого целого (см.: 1996б, с. 173). Э. Эриксон выделил восемь стадий развития идентичности, первые три из которых относятся к детству. Так, в младенчестве основой развития значимой идентификации является чувство доверия к окружающему миру. «Матери формируют у своих детей доверие при таком типе отношения к ребенку, который сочетает тонкую реакцию на индивидуальные запросы младенца и твердое чувство собственной уверенности в контексте взаимного доверия их совместного стиля жизни. Это формирует у ребенка исходные основания чувства идентичности, которые позже войдут в ощущение того, что “все в порядке”, чувство, что ты есть ты, что ты становишься тем, кем, другие верят, ты станешь» (там же, с. 113).

В раннем детстве приобретенное чувство доверия к окружающим является основой достижения автономии и самоконтроля. «Ребенок должен прийти к уверенности в том, что его вера в себя и в мир не будет подвергнута опасности из-за его желания иметь право на собственный выбор, на требовательное приобретение или на упорное избавление от чего-то. Окружающая ребенка действительность должна поддерживать его в стремлении “стоять на своих собственных ногах” и в то же время защищать его от впервые возникающей пары отчужденностей: чувства глупого и незрелого саморазоблаче-

ния, называемого стыдом, и вторичного и “удвоенного” недоверия, называемого сомнением» (Эриксон, 1999б, с. 119–120).

В дошкольный период формируются предпосылки мужской и женской инициативы, превосходящие чувство вины за потребность любить и быть любимым со стороны родителя противоположного пола, а также некоторые половые образы самого себя, которые становятся существенными составляющими позитивных и негативных аспектов будущей идентичности (см.: там же, с. 128). Ребенок научается самонаблюдению и саморегуляции, которые онтогенетически являются краеугольным камнем нравственности.

Трансформация. Что происходит с ребенком в случае негативно трансформированной идентичности, связанной с психологической и физической травматизацией в раннем возрасте (см.: Короленко и др., 2000), иллюстрируют следующие зарубежные исследования.

Результаты наблюдений, проведенных D. Finkelhor (1987), свидетельствуют о зависимости между негативными взаимоотношениями в паре «родители — ребенок» и реакциями, характеризующими особенности трансформации идентичности. Если у ребенка складываются плохие отношения с одним или обоими родителями и он не ощущает родительской поддержки, чувствуя при этом свою ненужность, то результат тому — неадекватное поведение ребенка по отношению к другим людям. В свою очередь женщины, на которых в детстве не обращали достаточного внимания их собственные матери, склонны срывать гнев на своих детях (см.: Kernberg, 1984), что не может не сказаться на процессе формирования их идентичности.

Маленькие дети, согласно теории привязанности, различаются по степени ощущения безопасности в своих взаимоотношениях с матерью (см.: Ainsworth, 1996). «Надежно привязанный» ребенок, ощущающий устойчивое и чуткое отношение со стороны матери, склонен доверять другим людям, иметь довольно хорошо развитые социальные навыки. «Ненадежно привязанный» ребенок, тревожащийся по поводу своей привязанности, становится либо резистентным, либо избегающим. Резистентный ребенок расстраивается при раз-

луке с матерью, а ей нелегко его успокоить при новой встрече. Такие дети импульсивны, для них характерны эмоциональные вспышки (см.: Rothbaum, Weisz, 1994). Дети, стремящиеся находиться как можно меньше со своей матерью, чаще всего несговорчивы и сопротивляются внешнему контролю.

Детерминация. Основные процессы развития идентификации в детстве имеют *ценностно-ориентационную* детерминацию. В сущности, результаты формирования значимых элементов идентификаций в детском возрасте обусловлены непосредственным влиянием значимых других (родителей) через усвоение ценностей, моральных установлений, норм поведения, предлагаемых ими. В этот период родители являются активными участниками становления идентичности своего ребенка. Благодаря им ребенок обретает доверие к окружающему миру, самостоятельность, предприимчивость и умелость, чтобы в будущем обрести собственную индивидуальность.

Механизм. Основной механизм развития идентификации — *сообразование* (соответствие) *суперэго* ребенка модели *суперэго* родителей. Одно перенимает содержание другого, становится носителем тех родовых ценностей, которые передаются от поколений к поколению.

Функция. Функция идентификации в период детства заключается в реализации базисной потребности ребенка быть вместе с близкими и родными, быть ими признанным и любимым для обеспечения собственной *защиты и безопасности*, возможностей самоконтроля и саморегуляции и оценки другими.

1.2. ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: АДАПТИВНОСТЬ

Содержание. Как считал Э. Эриксон, идентичность на индивидуальном уровне — это сознательное чувство своей уникальности в бессознательном стремлении к непрерывности своего жизненного опыта с учетом признания окружающими (см.: Эриксон, 1996б, с. 218). «Формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» (там же, с. 32).

Личностная идентичность как психологическое понятие включает в себя содержательный компонент, представленный индивидуальными качествами и характеристиками человека, и оценочный, связанный с самооценкой личности в аспекте отношений с другими людьми.

Так, в психодинамическом направлении изучения идентичности Э. Эриксоном последняя определяется как постоянно «развивающаяся конфигурация, возникающая путем успешного эго-синтеза и ресинтеза в течение детства. Эта конфигурация постепенно объединяет конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли» (там же, с. 173). Одна из задач эго, по мнению Э. Эриксона, — помогать индивиду осваивать жизненный опыт и руководить его действиями таким образом, чтобы из разнообразных и часто противоположных стадий и аспектов его жизни можно было бы выделить самые значимые из них и синтезировать некоторую целостность. Для выполнения этой задачи эго вырабатывает способы синтеза, а также охранные и защитные механизмы (см.: там же, с. 91). Тем самым личностная идентичность придает целостность как системе образов Я, так и значимым компонентам поведения. Обладать идентичностью — значит осознавать собственную целостность, целенаправленность и осмысленность своей жизни, быть уве-

ренным в одобрении со стороны значимых других. Стало быть, идентичность рассматривается как непрерывная в своем существовании во времени и пространстве тождественная самой себе целостная структура личности, принятая окружающими другими.

Вслед за Э. Эриксоном Дж. Марсиа рассматривал идентичность в аспекте решения индивидом жизненно важных проблем. Решение их обеспечивает достижение идентичности как внутренней самосоздающейся, динамичной организации потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории (см.: Marcia, 1980). По мере решения индивидом проблем относительно себя и своей жизни идентичность наполняется своим содержанием, на основе его собственных представлений развивается самооценка в отношении будущих выборов и решений.

А. Уотерман в большей степени придавал значение ценностно-волевому аспекту идентичности. Он полагал, что содержательными элементами идентичности являются цели, ценности и убеждения, зависящие от имеющихся средств их достижения, меняющиеся в период кризиса идентичности для определения будущей жизненной стратегии (см.: Waterman, 1982).

Представитель символического интеракционизма Дж. Мид рассматривал идентичность как способность человека воспринимать свое поведение и жизнь в целом, как связанное, единое целое. Индивид воспринимает свое поведение, с одной стороны, как детерминированное неосознаваемыми социально заданными нормами, условностями и привычками, с другой — как сознательный индивидуально своеобразный акт. При этом осознание идентичности происходит за счет приобретенных в социальном взаимодействии категорий, выработанных в языке (см.: Mead, 1975).

В когнитивно ориентированной психологии Г. Тэджфел и Дж. Тернер понимают идентичность как когнитивную систему, выполняющую роль регуляции поведения на персональном уровне (в терминах индивидуальных категорий: физических, интеллектуальных, нравственных) и социальном (в аспекте принадлежности к различным социальным группам) (см.: Tajfel, Turner, 1979). Г. Брейкуэлл в содержательное измерение идентичности включает персональные конструируемые

и каузальные схемы, социальные роли и статусы, структурная организация которых динамично меняется в течение всей жизни человека (см.: Breakwell, 1986). Каждый содержательный элемент имеет ценностное измерение — позитивную или негативную оценку — в зависимости от социальных норм и ценностей, трансформирующихся во времени.

Итак, личностная идентичность с позиций различных психологических подходов к изучению идентичности рассматривается как непрерывная во времени и пространстве тождественная самой себе целостная структура, включающая в себя взаимозависимые содержательный и оценочный компоненты.

Становление и развитие. Подростковый и ранний юношеский возраст является сенситивным периодом становления идентификационных структур. К одной из генеральных задач в этом возрастном периоде относится ресинтезирование всех идентификаций детства в единое целое личностной идентичности, приведение их в соответствие с ролями, предлагаемыми обществом (см.: Эриксон, 1996б, с. 167).

Растущих и развивающихся юношей и девушек, сталкивающихся с происходящими в них физиологическими изменениями и с необходимостью решать реальные взрослые задачи, прежде всего заботит то, как они выглядят в глазах других в сравнении с их собственными представлениями о себе, а также то, как связать роли и навыки, развитые и ценимые ранее, с профессиональными прототипами сегодняшнего дня. Интеграция, теперь уже имеющая форму *эго*-идентичности, есть нечто большее, чем сумма детских идентификаций. Она представляет собой накопленный опыт интеграции всех прошлых идентификаций со способностями индивида и с возможностями, предлагаемыми социальными ролями. Тем самым чувство идентичности есть накопленная уверенность в том, что внутренняя тождественность и непрерывность индивида согласуются с оценкой их другими (см.: Эриксон, 1996а, с. 366—367).

Трансформация. Кризис идентичности в этом возрасте Э. Эриксон (1996б) рассматривает как неспособность молодого человека достичь личностной идентичности; неспособ-

ность эта обусловлена ролевым смешением или спутанностью идентификаций. Обостренное состояние спутанности идентичности обычно проявляет себя в сложной гамме переживаний (чувство подавленности, вспышки гнева, ощущение безнадежности), связанных с возникновением потребности в физической близости (не обязательно только сексуальной), окончательным профессиональным выбором, соперничеством и психосоциальным самоопределением. Это состояние обычно характеризуется диффузией времени или нарушением временной перспективы (нарушением субъективного чувства времени, потерей возрастной соразмерности, неуверенностью в будущем), диффузией трудолюбия (слабым или чрезмерным проявлением волевых устремлений в ущерб социально желательной деятельности), формированием негативной идентичности (негативизмом по отношению к социальным ожиданиям).

В связи с этим Э. Эриксон описывает некоторые проявления деликвентного поведения подростков. Путаница ролей нередко приводит к тому, что девочки-подростки, обладая фрагментарным представлением о своей личности, не соотносят усвоенные ими взрослые модели поведения с наличной системой ценностей, с собственным интеллектуальным уровнем. Часто можно наблюдать, как молодые люди отождествляют себя с образом, противоположным тому, который хотели бы видеть значимые другие. Утверждения о том, что «по крайней мере, в канаве я — гений» отражают то облегчение, которое следует за тотальным выбором негативной идентичности. Подростку легче быть совсем незащищенным (преступником, наркоманом), чем защищенным немного (см.: Эриксон, 1999б, с. 186). Усвоить асоциальные роли ему гораздо проще, чем мучительно приобретать свою личностную идентичность.

Для благополучного разрешения проблем в период между юностью и взрослостью молодым людям предоставляется некоторая отсрочка, период ожидания идентичности, названный Э. Эриксоном «психосоциальным мораторием» (там же, с. 167), когда предоставляется возможность свободного выбора социальных и профессиональных ролей, функций и использования собственных возможностей. Данный период характеризуется избирательной снисходительностью со стороны общества и беззаботностью со стороны молодых людей, и все же он

ведет к значительным достижениям идентичности и завершается более или менее формальным подтверждением результатов со стороны общества.

С позиций Дж. Марсиа, достижение (реализация) идентичности происходит после того, как подросток переживает кризис и выйдет из него с определенной совокупностью личностно значимых целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих ему чувство направленности и осмысленности жизни (см.: Marcia, 1966, 1980). Он принимает осознанное решение в плане профессиональной, идеологической и сексуальной определенности — основных направлений становления идентичности.

При диффузной идентичности ни кризис, ни принятие на себя обязательств не бывают пережиты. Такое состояние идентичности характерно для подростков, у которых отсутствуют прочные цели и ценности, не определены социальные модели поведения. В связи с этим они не способны решать возникающие проблемы. При отсутствии подлинного чувства идентичности подростки нередко переживают такие негативные состояния, как пессимизм, апатия, тоска, ненаправленная злоба, отчуждение, тревога, чувство беспомощности и безнадежности (см.: там же, 1980).

Предрешенная идентичность приписывается подростку, который не переживал состояния кризиса идентичности, но при этом обладает определенным набором целей и убеждений. Содержание этих элементов идентичности может быть таким же, как у лиц, достигших идентичности, но процесс их формирования во многом иной. У людей с предрешенной идентичностью ее составляющие формируются не в результате переживания кризиса, в ходе которого осуществляется самостоятельный их поиск и выбор, а в основном вследствие идентификации с родителями или значимыми другими. Принятые таким образом цели, ценности, идеалы чаще всего сходны с родительскими или отражают их экспектации.

Понятие «мораторий» Дж. Марсиа использует по отношению к человеку, находящемуся в состоянии кризиса идентичности и активно пытающемуся разрешить его, используя все свои возможности. Подросток постоянно находится в состоянии поиска самого себя и своего места в мире. Переходя из крайности в крайность, он испытывает то чувство радо-

стного ожидания и предвкушения, то чувство безысходности и тревоги (см.: Marcia, 1980).

А. Уотерман считает, что развитие идентичности не имеет четкого градиента направленности, более того, иногда наблюдается возврат к предшествующему состоянию (см.: Waterman, 1982). Так, при достигнутой идентичности в кризисной ситуации можно вернуться в состояние спутанной идентичности. В то же время пребывавший в состоянии кризиса не может больше вернуться в состояние пережитой ранее первоначальной идентичности, так как сам процесс решения проблем в период кризиса изменяет качество всех принимаемых впоследствии решений. Утрата идентичности происходит тогда, когда цели и ценности теряют свою жизненность, перестают соответствовать изменившейся ситуации. Если человек легко справляется с состоянием кризиса, у него появляется шанс вновь достичь прежней, временно потерянной, идентичности. Однако если он не стремится затрачивать усилия на личностные поиски, не замечая происходящих изменений, то существует опасность погружения в спутанное состояние.

М. Меллори описал прототипические особенности индивида в зависимости от состояния его идентичности (см.: Mallogy, 1989). Индивид, достигший идентичности, характеризуется личностным постоянством, продуктивностью, ясностью поведения. В состоянии диффузной идентичности индивиду свойственны непредсказуемость, непродуманность поступков. Предрешенная идентичность вносит однообразие и тривиальность. А состояние моратория — бескомпромиссность и категоричность.

Детерминация. Основные процессы развития и становления личностной идентичности имеют *ценностно-целевую* детерминацию. Как утверждает Э. Эриксон (см.: 1996б, с. 233), человеческое окружение в виде институциональных сообществ и организованных ценностей гарантирует последовательные стадии культурно-психологического прохождения жизненного цикла, развития эго-идентичности, каждая из которых расширяет радиус жизненных задач. Овладевая на каждой возрастной стадии социокультурными нормами и ценностями и усваивая их, индивид переживает эти нормы и ценности как

свои собственные, лично значимые, обеспечивающие устойчивость последовательного развития *эго*, целенаправленность и осмысленность индивидуального опыта. Смысл ценностно-целевой детерминации заключается в том, что социальное окружение для человека становится условием и средством обретения целостности внутреннего опыта, составляющие которого приобретают ценностное значение.

Механизм. Основной механизм развития и становления личностной идентичности — *соотнесение* (сопоставление) *эго*-идентичности с *эго*-окружением. Процесс становления и развития идентичности проходит в непрекращающемся сопоставлении собственной внутренней тождественности и целостности (психологическое значение *эго*) с оценкой этой тождественности и целостности значимыми другими. Иначе, чувство идентичности представляет собой уверенность индивида в том, что его способность сохранять тождественность самому себе и целостность соизмеряется со способностью оценивать его тождественность и целостность другими.

Функция. К основной функции идентичности на личностном уровне можно отнести реализацию базисной потребности человека обрести внутреннюю тождественность самому себе, непрерывность и целостность своего *Я*, обеспечение *адаптации* на каждой стадии своего жизненного цикла для согласования внутренней тождественности и целостности с внешним окружением, оценки другими своей «самости».

Согласно Э. Эриксону (1996б), процесс развития и становления идентичности за счет успешного *эго*-синтеза и ре-синтеза значимых для каждого возраста идентификаций способствует оптимальному прохождению каждой стадии жизненного цикла и успешному выходу из сопровождающих ее критических периодов. Идентичность оберегает целостность личности и ее индивидуального опыта, дает ей возможность предвидеть внутренние и внешние опасности, успешно пережить их и справиться с ними, соразмерить свои способности с социальными возможностями. Адаптация становится основанием жизненных циклов личности. Помимо того идентичность, являющаяся центральным понятием при рассмотрении

Э. Эриксоном вопроса о стадиях психосоциального развития, выполняет организующую функцию в развитии личности (см.: Белинская, Стефаненко, 2000, с. 34).

1.3. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СПЛОЧЕННОСТЬ

Содержание. По признанию Э. Эриксона, термин «идентичность» он использовал, с одной стороны, для обозначения сознательного чувства уникальности индивида, с другой — для обозначения бессознательного его стремления к непрерывности своего индивидуального опыта, с третьей — для обозначения солидарности индивида с групповыми идеалами (см.: Эриксон, 1996б, с. 218). У людей есть еще одна потребность, не присущая ни одному природному виду, — потребность чувствовать, что они представляют некоторую социальную общность, характеристики которой отличают их от других (см.: там же, с. 246).

Устойчивую и последовательную поддержку развитию *эго* на каждой возрастной стадии жизненного цикла, убежден Э. Эриксон, обеспечивает социальное устройство мира в виде социальных институтов и организованных ценностей. Базовые и универсальные ценности, во всей их компенсирующей энергии и защитной силе, становятся важными объединяющими достижениями развития индивидуального и группового *эго* (см.: там же, с. 234 — 235).

Представители символического интеракционизма Дж. Мид (Mead, 1975), И. Гоффман (Goffman, 1963), Ю. Хабермас (Habermas, 1976) в исследовании идентичности уделяли внимание тому, как человек сам себя видит и как другие воспринимают его. Выделяя те или иные структурные составляющие идентичности, они сходились в мнении о том, что среди них можно обозначить самоидентичность как самоописание человека в социальной ситуации, личностную идентичность как восприятие человеком самого себя, своих индивидуальных качеств относительно других, и, в завершение, социальную идентичность как восприятие человеком себя с позиций других на основе атрибутов социальной группы. Социальная идентичность рассматривалась ими через оценку и восприятие

человеком самого себя в качестве социального субъекта, носителя общественных отношений (см.: Качанов, 2000, с. 613).

Наиболее проработанная концепция социальной идентичности представлена в когнитивно ориентированной психологии Г. Тэджфелом и Дж. Тернером (Tajfel, Turner, 1979). Исследователи выступили с критикой существующих в западной психологии ситуационных подходов, объясняющих социальное поведение лишь только как межличностное, либо в аспекте мотивации и взаимозависимости (Дж. Рабби, М. Горвитц), когда индивидов связывает друг с другом удовлетворение своих потребностей или зависимость друг от друга в каких-либо отношениях; либо в аспекте социальной структуры и целей (М. Шериф), когда связи между индивидами организуются и регулируются системой ролей и разделяемых норм или же они кооперируются, чтобы достичь общих целей или осуществить общие намерения; либо в аспекте интеракции (М. Шериф), когда индивиды находятся в постоянном и до некоторой степени непосредственном контакте, коммуникации или взаимодействии друг с другом (см.: Агеев, Толмасова, 2000, с. 624).

Г. Тэджфел и Дж. Тернер заявили о признании наряду с межличностными межгрупповых отношений. Дифференциация поведения на межличностное и межгрупповое была обоснована ими структурой Я-концепции, которая включает в себя как личностную, так и социальную идентичности. Личностная идентичность определяется персональной самокатегоризацией человека по физическим, интеллектуальным и нравственным параметрам. В свою очередь, социальная идентичность определяется групповой самокатегоризацией с учетом групповых параметров на основе принадлежности человека к социальным группам. Тем самым межличностные и межгрупповые формы поведения есть два противоположных полюса единого биполярного континуума, один из которых представляет межличностное поведение, определяющееся личностной идентичностью, второй — межгрупповое поведение, определяющееся социальной идентичностью.

Если личностная идентичность складывается из образов Я, которые формируются в результате восприятия себя как уникальной личности, отличающейся от членов ингруппы, то социальная идентичность складывается из отдельных иден-

тификаций в результате восприятия себя членом ингруппы, отличным от других, принадлежащих к аутгруппам. Сильно выраженная личностная самокатегоризация «разрушает» социальную идентичность, и тогда поведение индивидов регулируется индивидуальными нормами. И наоборот, усиление социальной самокатегоризации приводит к деперсонализации, в результате поведение индивидов начинает подчиняться социальным прототипам (групповым нормам и стереотипам) (см.: Агеев, Толмасова, 2000, с. 638; Белинская, Стефаненко, 2000, с. 38). По утверждению Г. Тэджфела, поведение индивида, соответствующее полярным полюсам, проявляется достаточно редко. Приемлемо, когда оно находится между этими полюсами с небольшим приближением к одному из них.

Становление и развитие. Дж. Тернер, определив три уровня самокатегоризации в социальной Я-концепции, по существу, указал на пути достижения социальной идентичности. Изначальный уровень формируется в результате личностной самокатегоризации, основанной на отличиях уникальной личности от других членов ингруппы. Становление промежуточного уровня происходит за счет самокатегоризации, основанной на ин- и аутгрупповых сходстве и различии. Достижение самого высшего уровня обеспечивается через самокатегоризацию с человеческим сообществом. Эти уровни организованы в иерархически классифицированную систему на основе разных уровней абстрагирования. Межуровневые переходы осуществляются за счет увеличения значений в категориях, при этом каждая категория включается в вышестоящую категорию (см.: Агеев, Толмасова, 2000, с. 638). Значит, становление социальной идентичности происходит по мере усложнения абстрагирования, в результате которого складывается образ Я, состоящий из различных социальных категорий. В итоге в образ Я могут быть включены такие категории, как «мужчина», «тинэйджер», «студент», «муж», «член спортивной команды», «американец», «православный», «гражданин», «человек» и др.

Согласно идеям Г. Тэджфела и Дж. Тернера, выделяются три последовательных когнитивных процесса становления социальной идентичности (см.: Белинская, Стефаненко, 2000,

с. 39). На первом этапе происходит самоопределение человека как члена конкретной социальной категории. На втором он не только включает в образ *Я* общие характеристики собственной группы, но и усваивает групповые нормы и стереотипы поведения. В этот период осуществляется апробация различных репертуаров и форм социального поведения и выяснение, какие из них являются специфическими для той или иной социальной категории. Третий этап завершается тем, что человек приписывает себе усвоенные групповые нормы и установки, которые начинают выполнять функцию внутренних регуляторов его социального поведения.

По мнению Г. Брейкуэлла (Breakwell, 1986), развитие когнитивного компонента социальной идентичности происходит за счет процессов ассимиляции и аккомодации. Их реализация приводит к переструктурированию содержания идентичности, точнее, происходит отбор новых компонентов в структуру идентичности, а затем — приспособление структуры к этим компонентам. Наряду с этим исследователь выделяет процесс становления оценочного компонента, в результате которого определяются значения и ценности новых и старых составляющих идентичности. Эти процессы взаимосвязаны между собой. С одной стороны, процесс оценивания может влиять на отбор содержания идентичности в ходе ассимиляции и на форму аккомодации. С другой стороны, ассимилируются те ценности, которые задают критерии оценки. Следствие взаимодействия этих процессов во времени есть формирование содержательного и ценностного компонентов идентичности (см.: Антонова, 1996, с. 141).

Структура. Социальная идентичность есть расположение человека в социальном пространстве, а значит — объединение с теми, кто занимает сходные позиции, и одновременно дистанцирование от других. Поскольку социальная идентичность начинает свое становление во взаимоотношении *Я* с *Другим* на основе сравнения образа *Я* с образом *Другого* с учетом близости и различия позиций в социальном пространстве, постольку интериоризированный образ *Другого* представляет собой персонифицированную позицию в социальном пространстве (см.: Качанов, 2000, с. 616).

По сути, каждый интериоризированный образ *Другого*, утверждает Ю. Л. Качанов, представляет собой «интроект» (т. е. отождествление себя с другим), который выполняет функцию своеобразной системы отсчета и оценивания человека и его позиции в социальном пространстве с учетом своих личностных смыслов и системы интерпретации (см.: там же, с. 615). Тогда социальная идентичность как взгляд на себя в социальном пространстве будет рассматриваться через отношения образа *Я* в структуре интериоризированных образов персонифицированных позиций в социуме. Здесь *Я* есть *Я + Другой во мне*, *Другой* есть *Другой + Я в Другом*. В связи с этим уместно вспомнить утверждения М. М. Бахтина о том, что *Я* не может обойтись без *Другого*, не может стать самым собою без *Другого*; *Я* должно найти себя в *Другом*, найти *Другого* в себе во взаимоотражении и во взаимопрятии (см.: Бахтин, 1997, с. 344).

Известный философ М. Бубер писал, что мир двойствен для человека в силу двойственности его соотношения с ним (см.: Бубер, 1999в, с. 46 — 47). Мир как опыт соотносит *Я* с *Другими* (оно, он, она), где *Я* есть «довлеющее себе особенное». Это мир объектов. Мир как отношение соотносит *Я* с *Ты*, где *Я* становится личностью. Это мир людей (см.: там же, с. 26, 69).

В со-отнесенности *Я — Оно* человеком воспринимается упорядоченный, расчлененный окружающий мир как совокупность предметов и объектов, к которым принадлежат другие люди. Этот мир обладает плотностью и длительностью, гармоничностью сочетания его частей, доступных обозрению и наглядности. Объекты мира становятся таковыми по милости человека. Воспринимая их, человек принимает их такими, какими он их себе представляет. Они позволяют человеку принимать себя, но не даются ему до конца, оставаясь чуждыми и отдаленными. Относительно такого мира можно «прийти к пониманию» с другими людьми. Несмотря на то, что каждый представляет мир по-разному, он готов быть общим для всех объектом, но встретить в нем других человек не может (см.: там же, с. 46).

В со-отнесенности *Я — Ты* человек встречает Бытие и Становление как свое пред-стоящее, как одну-единственную сущность, и всякий объект — только как сущность. То, что здесь

есть, раскрывается ему в происходящем, а то, что здесь происходит, дается ему как Бытие. Встречи не складываются в упорядоченный мир, но каждая встреча — знак мирового порядка. Они не связаны друг с другом, но каждая из них служит ручательством связи человека с миром. Такой мир не обладает плотностью, ибо все в нем пронизывает все. Он лишен длительности, ибо он приходит незванным и исчезает, когда его пытаются удержать. Он необозрим: если захотеть сделать его обозримым, то потеряешь его. Он есть настоящее: лишь обладая им, обладаешь настоящим. Между человеком и настоящим — реальная обоюдность. Говоришь ему *Ты* — и предаешься ему, он говорит тебе *Ты* — и предается тебе. Относительно такого мира невозможно прийти к пониманию с другими, с ним человек один на один. Но он учит встречать других и уметь устоять во встрече. И он ведет через милость своих приходов и через печаль расставаний к тому *Ты*, в котором параллельные линии отношений пересекаются (см.: Бубер, 1999а, с. 47—48). Сосредоточение и сплавление в целостное существо может произойти через становление *Я* в соотнесенности с *Ты*, через встречу *Я* и *Ты* (см.: там же, с. 30—31).

В свою очередь С. Л. Франк утверждал, что встреча *Я* и *Другого* осуществляется лишь тогда, когда происходит «пробуждение в них обоих некоего исходного первичного единства», «общего духовного кровообращения» (Франк, 1992, с. 50—51), и лишь в силу пробуждения этого единства они могут стать для друга *Я* и *Ты* (см.: Сушков, 1999, с. 258).

В силу сказанного, рассуждая относительно социальной идентичности, можно говорить, что продвижение от личностного до социального уровня самокатегоризации, от восприятия себя индивидуальной категорией в межличностном отношении до восприятия себя ингрупповой категорией во внутригрупповых отношениях может быть осуществлено лишь через *Ты*. Структура социальной самокатегоризации представлена через соотношение категорий следующим образом (рис. 1).

В данной структуре *ТЫ* становится *Другим во мне* + *Я* в *Другом*. В *Ты* — средней точке континуума — преодолевается разрыв и противопоставление изолированных *Я* и *Друго-*

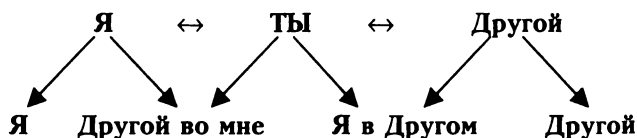

Рис. 1. Структура социальной самокатегоризации

го, осуществляется их единство. По своей сути самокатегоризация направлена, с одной стороны, на сохранение личностного уровня идентичности, с другой — на сохранение уровня социального. Середина является оптимальным уровнем развития идентичности, когда человек воспринимает себя не как отдельного индивида, а как личность, активно взаимодействующую с другими в социальном мире.

Рассматривая пространство самокатегоризации как целостную социальную систему, включающую подсистемы *Я* и *Другой*, можно говорить, что взаимопереходы и взаимопроникновения одной подсистемы в другую могут происходить через *Ты*. В *Ты* одновременно осуществляется и «снимается» исходная дифференциация обеих подсистем. *Ты* есть оптимальная точка их баланса, равновесия, где *Я* и *Другой*, уравновешивая друг друга, существуют, с одной стороны, самостоятельно, дифференцированно, с другой — интегрированно, а значит — слитно, в единстве, сплоченности. Тем самым оптимальное существование *Я* и *Другого* в социальном пространстве возможно лишь через активное их взаимодействие, когда независимые подсистемы становятся активными элементами большой социальной системы.

Модель. В силу рассмотренной структуры социальной категоризации и имеющихся стратегий индивидуального поведения (позитивного или негативного отношения к социальной группе, осознанного перехода из одной социальной группы в другую) можно представить *множественную линейную модель* социальной идентичности (рис. 2).

Очевидно, что в сложной системе взаимоотношений в социальном пространстве личность может одновременно идентифицировать себя со множеством релевантных групп в зависимости от социального устройства окружающей действительности (системы социальных категорий) и взаимодействия

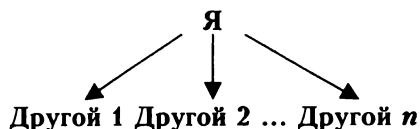

Рис. 2. Множественная линейная модель социальной идентичности

с его составляющими (социальными группами). Тогда регуляция социального поведения с учетом сложившейся конфигурации социальной идентичности осуществляется в повышении сплоченности со значимыми другими и/или в ее понижении с теми, актуальная значимость которых утрачивается. Подвижность «сплоченности» в социальной системе есть следствие интегративных и дифференциальных процессов в социальном взаимодействии. Согласно М. Буберу (1999а, с. 119), всякое отношение *Я – Ты* в ситуации целенаправленного воздействия одной части на другую существует в силу взаимности, которой, в сущности, не суждено стать полной.

При сравнении социальной идентичности с личностной можно увидеть их существенные отличия по критериям, способу самокатегоризации, механизмам развития, реализующим функциям, формам проявления. Принципиальным является то, что внешним окружением для носителя социальной идентичности становится группа, с членами которой он стремится быть в единстве, а не отдельный значимый другой.

Детерминация. Основные процессы развития и становления социальной идентичности имеют *целе-рациональную* детерминацию. Категория «целе-рациональность» имеет веберовский смысл, когда социальный мир и его составляющие рассматриваются как условия и средства социального поведения и действия, рационально ориентированных на достижение групповых целей. Смысл социального поведения и действия всегда соотносится с поведением и действием другого человека и ориентируется на него. Причины и движущие силы становления и развития социальной идентичности находятся в социальном пространстве, где есть *Другой*: значимый, сходный, дополнительный или противоположный. В отсутствии *Другого* она вообще не состоится. По мнению И. Р. Сушкова (1999, с. 275), феномен социальной идентичности обус-

ловлен целесообразностью социальной системы, ее устройства и функционирования.

К тому же социальная идентичность рациональна по своей природе. Иметь социальную идентичность — значит иметь возможность в одно и то же время осознанно войти в социальные отношения и выйти из них (см.: Качанов, 2000, с. 614). Социальная идентичность гибко реагирует на изменение социальной ситуации и создает ощущение индивидуальной свободы, чтобы обеспечить импульс развития социальной системе (см.: Сушков, 1999, с. 271). Понятия «социальная мобильность» и «социальное изменение» Г. Тэджфелом (Tajfel, 1978) были введены при объяснении причин перехода индивидуального поведения в инtragрупповое в сложном социальном пространстве. Социальная мобильность допускает осознанный переход личности из одной социальной категории в другую. При определенных условиях социальная мобильность невозможна, а именно: при жесткой дифференциации общества и устойчивой системе убеждений; при создании системы убеждений в необходимости социальных изменений, несмотря на возможность индивидуальной мобильности; при потребности в культивировании жестких межгрупповых границ посредством социальных стереотипов и предубеждений; при явном и напряженном конфликте интересов между группами. При таких условиях личность вынуждена осознанно вступать на путь социальных изменений и менять свое социальное положение только вместе с положением собственной социальной группы (см.: Сушков, 1999, с. 271).

Механизм. Как отмечает В. А. Ядов (2000, с. 593), психологические механизмы формирования социальной идентичности имеют богатую исследовательскую традицию. В символическом интеракционизме подчеркивается принцип осознания своей социальной позиции сквозь призму восприятия ее другими, т. е. через *противопоставление* позиций. В силу этого люди упрощают, схематизируют правила социального взаимодействия. В когнитивной психологии выделяется момент осмысления и обобщения *сходства* и *отличия* членов группы от других, что сопровождается позитивным и негативным оцениванием. Г. Тэджфел и Дж. Тернер рас-

сма тривали *сравнение* как механизм, запускающий идентификационные процессы в социальном пространстве. Психодинамическая парадигма акцентирует внимание на глубинных механизмах формирования социальной идентичности, коренящихся в беспокойстве и страхе утраты Я, ущемления потребностей и как следствие — проявления агрессивности в отношении других групп, представляющих реальную или мнимую опасность.

Очевидно, что процесс размещения Я в социальном пространстве сопровождается постоянным сравнением Я с социально признанными категориями. Справедливо к основному механизму развития и становления социальной идентичности отнести *сравнение* (противопоставление) Я с *Другими*, образующими группу, по интересам, взглядам, ценностям, оценкам, моделям поведения и др. Социальная самокатегоризация индивида осуществляется за счет определения им сходства и различия между собой и другими, включенными в социальную категорию. Противопоставляя собственные характеристики, нормы, модели поведения, ценности, убеждения групповым, индивид вступает на групповой уровень поведения, по большому счету, из стремления к позитивной самооценке.

Результат сравнения себя с социальной группой есть формирование содержательного и оценочного компонентов идентичности. С учетом позитивной или негативной оценок социальная идентичность получает соответствующую направленность, следовательно, может быть как позитивной, так и негативной. В случае позитивного оценивания социальных характеристик индивид причисляет себя к группе, которая становится для него значимой. И, наоборот, при отрицательной оценке группы, например, низкостатусной, он покидает ее и определяется в другой — с позитивными характеристиками.

Оценка индивидом группы всегда осуществляется в социальном сравнении, т. е. в сравнении с другими группами по значимым для индивида признакам. Благоприятное сравнение своей группы с относительно подобными другими группами приводит к позитивной социальной идентичности. В случае «проигрышного» положения ингруппы по сравнению с аутгруппами порождается негативная социальная идентичность.

Существуют, по меньшей мере, три условия, при которых актуализируется социальная идентичность (см.: Tajfel, Turner, 1986; Белинская, Стефаненко, 1999, с. 41; Агеев, Толмасова, 2000, с. 627). Во-первых, личностная значимость оценочных качеств и характеристик группы. Групповые показатели, оцениваемые индивидом, должны быть для него ценностными. Так, классовый или сословный признак может для личности не являться значимым и важным, поэтому ее социальная идентичность по данным признакам не состоится. Во-вторых, возможность социального сравнения с релевантными группами. К примеру, футбольная команда, в которой желает играть спортсмен, сравнивается им с подобной (по тому же виду спорта, уровню классификации в лиге, возрастной категории и др.) из другого спортивного общества, клуба. В-третьих, наличие однопорядковых параметров сравнения и противопоставления друг с другом в поисках положительных или отрицательных отличий.

Функция. Основная функция социальной идентичности заключается в реализации базисной потребности человека принадлежать к группе, быть вместе с другими, быть *сплоченным* с ними для обеспечения самосохранения и защиты со стороны других, оценки другими, влияния на других с целью самовыражения и самореализации (см.: Ядов, 2000, с. 597). Социальная идентичность актуализируется в результате самокатегоризации в социальном пространстве на основе двух процессов: объединения и различения. Г. Тэджфел придерживался мнения, что интеграция *Я* с другими предшествует процессу дифференциации. Очевидно, что *Ты* начинается, когда *Я* уже стало осознавать *Другого* в себе, а затем уже *Я* воплощается в *Другом*. Расположить *Я* в социальном пространстве — значит определить других, занимающих сходные позиции, и одновременно — отделить его от остальных, с противоположными позициями (см.: Качанов, 2000, с. 615). Социальная идентичность как средство объединения *Я* с одним при дистанцировании *Я* от другого регулирует поведение социальных субъектов, приводя к групповой *сплоченности*, монолитности для достижения единых целей.

ГЛАВА 2. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ

2.1. ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Природа. Одной из актуальных является проблема, связанная с природными основаниями, истоками возникновения, зарождения этнической идентичности. Решение ее сопряжено с позициями таких существующих на сегодняшний день в социальной науке подходов к этничности, как примордиализм, ситуационизм (инструментализм) и конструктивизм (см.: Stern, 1995; Тишков, 1997; Винар, 1998).

Представителями примордиалистского подхода этничность рассматривается как врожденное свойство человека идентифицировать себя с группой, имеющее объективное основание либо в природе человека, либо в социуме. Исходя из этого в рамках данного подхода выделяются два направления: эволюционно-биологическое и эволюционно-историческое (см.: Садохин, Грушевицкая, 2000, с. 92). Сторонники эволюционно-биологического направления в качестве детерминантов этнической идентичности выдвигают генетические и географические факторы по аналогии с расширенной родственной группой. В эволюционно-историческом направлении этническую идентичность рассматривают как «коллективное чувство социальной принадлежности и высшую форму лояльности, связанную с родством и верой в общее происхождение» (Ethnic Identity, 1995), возникающее на основе «крови и почвы», т. е. кровного родства, общего происхождения и исконной территории (см.: Солдатова, 1998, с. 41).

По мнению К. Гирца, «в каждом обществе почти во все времена некоторые привязанности проистекают из чувства естественной, духовной близости, чем из социального взаимодействия» (Geertz, 1963, p. 110). Иными словами, коллективные действия порождают общие культурные ценности, верования, нормы и предписания, приводящие к групповой солидарности. Так, Э. Дюркгейм в поддержании солидарности видел главный смысл всех форм социальной жизни (см.: Durkheim, 1965, p. 550 – 551). Объясняя сущность любого

обрядов, Э. Дюркгейм показал его способность вызывать у участников группового действия одинаковое психическое состояние, которое порождается не целями и причинами группового сбора, а самим фактом объединения. Сущностью социального объединения являются единая мысль и единое действие. Поэтому такие этнокультурные формы, как обряды, инициируют глубокие примордиальные чувства, в силу своей архаичности и традиционности способные объединять людей в целостную общность.

В качестве оснований этнической идентичности предлагается рассматривать традиционные и устойчивые культурные ценности. К ним относятся, прежде всего, язык, обычаи, религия и др. (см.: Smith, 1986). В результате совокупного воздействия культурных факторов в ходе длительного исторического процесса формируются примордиальные группы. В отечественной науке этот подход был развит Ю. В. Бромлеем (1983), который полагал, что важнейшим показателем этнической принадлежности, интегрирующим членов одной общности и дифференцирующим ее от других, становится этническое самосознание. Феномен этнического самосознания заключается в том, что, отражая существующее единство этнических индивидов по общности территории, происхождения, исторических судеб, материальной и духовной культуре, оно само становится главным объединяющим и в то же время противопоставляющим признаком.

С точки зрения ситуационизма этническая идентичность возникает и проявляется в зависимости от ситуаций. Сама по себе этничность как универсальная потенциальная возможность может проявляться лишь при определенных условиях, например при угрозе существованию, целостности, интересам той или иной этнической общности (см.: Комаров, 1994, с. 40). Эта возможность как бы пребывает в спящем состоянии, «вызывается к жизни и используется в целях социальной мобилизации, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии и для достижения гедонистических устремлений» (Тишков, 1997, с. 6). Дж. Бентли, опираясь на социологическую концепцию М. Вебера, считает, что если примордиалисты рассматривают действие этнического субъек-

та как ценностно-рациональное, то ситуационисты видят в нем лишь рациональное звено (см.: Bentley, 1987).

Подчеркивание ситуационной детерминации этничности позволяет исследователям (Olzak, Nagel, 1986) ставить вопросы об условиях, которые актуализируют или, наоборот, элиминируют ее. Приверженцы данного подхода направляют свои силы для изучения влияния различных независимых переменных (пол, возраст, социальная структура и др.) на зависимую переменную, в качестве которой рассматривается этническая идентичность. В силу этого этническая идентичность понимается ими как явление гибкое, пластичное, меняющееся в зависимости от изменений социальной действительности и значимости влияния того или иного социального фактора.

Наиболее распространенное в мировой науке конструктивистское понимание этничности связывают с именем Ф. Барта. Норвежский этнолог определяет этничность как наиболее широкую категорию социальной идентичности, как феномен, создаваемый средствами символического различения, подчеркивает договорной характер границ между этническими категориями (см.: Садохин, Грушевицкая, 2000, с. 99).

Размышления об этнической идентичности сторонников модного сегодня конструктивистского подхода обобщил автор новой конструктивистской концепции отечественный этнолог В. А. Тишков. По его утверждению, «существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собою социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства. Суть этих общностей, или социально конструируемых коалиций, составляют разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности, или идентичность, а также возникающая на основе этой общей идентичности солидарность» (Тишков, 1997, с. 11).

С позиций В. А. Тишкова, основным в феномене этничности является понятие этнической идентичности, которую конструктивисты рассматривают как «операцию социального конституирования “воображаемых общностей”, основанных на вере, что они связаны естественными и даже природными связями. Именно перенесение внимания на “процессуальность”,

а не на “процесс”, позволяет выявить состязательную и множественную природу идентичности, выстраиваемую в итоге диалога и властных отношений между группами, между группой и государством (или между государствами)» (Тишков, 1997, с. 13).

Этническая идентичность отличается от других форм социальной идентичности прежде всего верой или представлением об общеразделяемой культуре, хотя в ряде случаев, как утверждает В. А. Тишков, «это может быть идея или миф об общности происхождения и общей истории как основных отличительных характеристиках этнической общности» (там же). В силу того, что границы общностей, образуемых на основе избранных культурных характеристик, являются подвижными и изменяющимися понятиями не только в историко-временном, но и в диахронном, ситуативном планах, содержание этнической идентичности постоянно меняется в зависимости от доступного набора культурных маркеров.

По мнению Б. Е. Винера, наиболее непроработанной позицией В. А. Тишкова является то, что он пытается строить свою концепцию этничности преимущественно на основе конструируемой с помощью различных социальных институтов культурной идентичности. Стало быть, этничности приписывается целе-рациональная детерминация (см.: Винер, 1998, с. 21). Нельзя с этим не согласиться. Получается, что источники, причины развития и становления этнической идентичности воплощены в социальном устройстве мира, в самой структуре социальной материи. В. А. Тишковым социум наделяется возможностью, способностью, более того — правом конструирования культуры и этнокультурных общностей. Вероятно, подход В. А. Тишкова основан на слиянии таких различных феноменов, как «социум» и «культура», тогда как первое раскрывается в социальном устройстве мира, а второе является человеческой ценностью. Культуру невозможно лишить ее истинного аксиологического предназначения. В связи с этим понятия «социальная группа» и «этнокультурная общность» теряют операциональные отличия.

Понимание. В самом общем смысле этническая идентичность есть осознание своей принадлежности к этнической об-

щности. Традиционно в психологии этническую идентичность рассматривают или как составную часть социальной идентичности, или же как ее разновидность.

С точки зрения Э. Эриксона — представителя психодинамического направления в исследовании идентичности, этническую идентичность можно рассматривать как одну из значимых идентификаций, включающихся в развивающуюся конфигурацию психосоциальной идентичности в жизненном цикле человека (см.: Ericson, 1995).

В когнитивно ориентированной психологии существует по меньшей мере два подхода. С одной стороны, этническая идентичность может рассматриваться по аналогии с социальной идентичностью и подобно последней складываться из отдельных идентификаций и определяться принадлежностью человека к различным этнокультурным категориям. Тем самым она может вбирать в себя ряд самоидентификаций, к которому можно причислить этническую, культурную, языковую, религиозную, обрядовую и т. п., базирующихся на уникальных этнокультурных особенностях группы и отличающих ее представителей от других этнических групп. Основой этнической идентичности будет являться этническая самоидентификация. При этом она формируется по градиенту своей направленности в прошлое (общность исторических судеб своего народа, исторические корни, эндогамия и др.), иначе говоря, истоки зарождения ее находятся в историческом прошлом (см.: Ethnic Identity, 1995). Прошлое объективировано главным образом в культурно-языковой сфере, представляющей источник передачи этнокультурной информации от поколения к поколению. Согласно этим представлениям этническая идентификация есть коллективное чувство принадлежности к этнической общности как высшая форма лояльности, связанная с родством и верой в общее происхождение (см.: Тишков, 1997, с. 5).

Другие идентификации осуществляются «здесь» и «теперь» на основе реально бытующих и функционирующих составляющих окружающей действительности. Настоящее предлагается человеку как реально существующая рядом данность, хотя она может и не иметь со стороны человека лояльных предпочтений. Включенное в объективные отношения человека с окружающим миром настоящее формирует у человека субъек-

тивную, социально-психологическую привязанность к условиям жизнедеятельности.

Порой человек вынужден приобщаться к культуре, особенностям образа жизни иноэтнической общности лишь по той причине, что он по каким-либо обстоятельствам попадает в другую среду. Или же в результате сложных этнотрансформационных процессов в границах этнической общности функционируют различные подсистемы или сферы иноэтнической культуры (язык, обычаи, обряды и другие культурные и религиозные элементы). Но в любом случае человек стремится найти свое место в окружающем его этнокультурном мире, какой бы он ни был: желанный или нежеланный, свой или чужой. Этническая идентичность может являться вариантом аккумуляции в себе всех остальных значимых идентификаций при условии социокультурного соответствия естественным популяционным границам (русские — в России, татары — в Татарстане, башкиры — в Башкортостане и др.).

Таким образом, для человека существует произвольный выбор идентификационных элементов, с которыми он как бы осуществляет согласие (или несогласие) включать их в свой индивидуальный мир и быть при этом подвластным им. Но с другой стороны, этот выбор недостаточно свободен для человека и зависит от предписания извне, от тех внешних условий, в которых человек пребывает, в которых бытуют те или иные идентификационные маркеры. В результате широкой этнической идентичности по различным социокультурным параметрам человек определяет себя в конкретной общности. Понимание этнической идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем отражается в современных конструктивистских теориях (см.: Тишков, 1997).

Более привлекательной позицией является рассмотрение этнической идентичности в иерархически классифицированной системе Я-концепции на другом уровне категоризации на основании абстрагирования по набору специфических этнокультурных категорий. Очевидно, что социум и этнокультурный мир не являются тождественными категориями, складывающимися по различным основаниям. Если социум предъявляется человеку через социальное устройство мира, социальную

структуру общественных отношений, санкционированную имеющимися в обществе реальными социальными институтами, то этнический мир имеет культурный облик, обнаруживает в себе культурную ценность человеческой общности. Процессы распределения событий и объектов в группы в социуме и этнокультурном мире происходят по различным значениям, что и позволяет разводить категоризации на различные уровни.

Содержание. Проблема внутреннего содержания этнических феноменов обозначена в работах немецких ученых В. Вундта, М. Лацаруса и Х. Штейнтала.

По мнению В. Вундта (1900 — 1920), язык, мифологические представления, волевые проявления, осуществляющиеся в форме нравов, представляют душу народа в качестве субстрата духовного коммунитета — сообщества взаимодействующих индивидов. Возникновение произведений народной души сводится к душевным энергиям множества находящихся во взаимодействии индивидов. Они не могут быть объяснены из единичного сознания, а «покоятся на духовном взаимодействии многих, которые относятся к названным процессам подобно тому, как элементы представления и воли относятся к сложным представлениям и волевым действиям индивида» (там же, т. 3, с. 292 — 296). Носителем такого «духовного коммунитета» с тем же правом, что и психический индивид, является духовный организм. «Таким образом, жизненная область языка, искусства, мифа, нравов образует духовные организации, которые содержатся в более обширном органическом единстве народного коммунитета» (там же, с. 296). Последний включает в себе способность развивать самостоятельное волевое единство, сообщающее ему характер совокупной личности, подчиняющей себе отдельных составляющих его лиц. Тем самым В. Вундт утверждал, что народная душа имеет объективную природу и образуется в результате функционирования в жизненном пространстве членов духовного коммунитета духовных продуктов культуры: языка, мифов, нравов. В качестве составляющих содержание народной души Вундт рассматривал *коллективные представления, чувства и стремления*.

М. Лацарус и Х. Штейнталь указывали, что «то, что делает народ именно этим народом, лежит существенно не в известных объективных отношениях, как происхождение, язык и т. д., как таких, а исключительно в *субъективном усмотрении* (курсив мой. — В. Х.) членов народа, которые все вместе *смотрят на себя* как на один народ. Понятие “народ” покоится на субъективном мнении самих членов народа о самих себе, о своем сходстве и сопринадлежности. <...> Расу и племя исследователь определяет и для человека объективно; народ определяет себе человек сам субъективно, он причисляет себя сам к нему» (цит. по: Шпет, 1996, с. 34 – 35). Народ, по мнению М. Лацаруса и Х. Штейнталь, есть некоторая совокупность людей, которые сами себя определяют народом (см.: там же). Как видно, указанные авторы отходят от идей Гегеля о самосознании народа как «сознании себя» членами сообщества, предлагая толковать самосознание как «определение себя» тем или иным народом. Народный дух, т. е. одинаковое сознание многих с сознанием схождения душевной жизни (психических функций и процессов) самих индивидов и, следовательно, с *представлением взаимной сопринадлежности* этих многих в каждом из них, как считают М. Лацарус и Х. Штейнталь, возникает совершенно первоначально благодаря внешним отношениям одинакового происхождения и близкого местожительства, следовательно истинно человеческая жизнь людей, духовная деятельность возможна только благодаря совместно-му и взаимному действию (см.: там же, с. 30). «Дух есть общее произведение человеческого общества» (там же, с. 25). Он не есть нечто пребывающее и неизменное, он есть нечто меняющееся в истории. Очевидно, что в этом определении существенным является указание на со-действия членов со-общества на конкретном этапе культурно-исторического развития, результатом которого являются дух и культура: язык, нравы, обычаи, верования, искусство, наука и т. д. Тем самым принадлежность к народу, по мнению немецких ученых, по сути своей определяется *субъективными представлениями* об общности психологических особенностей, происхождения, исторического прошлого, этнической территории и культуры.

Русский мыслитель Г. Г. Шпет предметом изучения этнической психологии считал «дух народа», под которым он по-

нимал совокупность *переживаний* коллективного субъекта или типических коллективных переживаний (см.: Шпет, 1996, с. 93). Анализ этих переживаний показывает, что все их содержание складывается из присвоения себе известных исторических и социальных взаимоотношений в противопоставлении с другими народами. «Это — не кратковременное состояние, а пребывающая “форма”, запечатлевающая в “образе” не только некоторую наличную совокупность признаков, но и отражающая в себе всю массу признаков, накопившихся в процессе исторического “формирования” духа. <...> “Дух” отображает, таким образом, действительность, обнаруживая перед нами в конденсированном виде, но точном — хотя преобразованном и творчески оформленном виде — некоторую структуру переживаний коллективной организации. Дух здесь — не существо, обладающее высшими силами, не самостоятельное и отрешенное бытие, но и не чисто идеальная сущность, равно и не состояние индивида вне его воли и управления, а чуткий орган коллективного единства, откликающийся как рефлексивно — невольно, так и творчески — сознательно на всякое событие в бытии этого единства <...> “Дух народа” есть собрание, связка характерных черт “поведения” народа; в совокупности с постоянными “диспозициями” — это есть характер. ...Этот субъективный характер узнается в его объективации, как совокупность реакций народа на окружающие его вещи, на обстоятельства, в которых он сам участвует, на объективно данные ему отношения и идеальные образования» (там же, с. 93—94). Стало быть, анализируя «дух народа», особое внимание Г. Г. Шпет уделял роли *переживаний как эмоционально-ценностному отношению* народа к «продуктам культуры». Таким образом, Г. Г. Шпет рассматривал понятие «дух народа» в качестве психологической категории, выражающей эмоционально-оценочное отношение этнических субъектов к их же созданным материальным и духовным ценностям, типичность психических проявлений народа в отношении с окружающим его миром.

Идеи великих мыслителей позволяют нам в структуру этнической идентичности включать, во-первых, когнитивный компонент — объективные знания и представления о специфических этнокультурных особенностях своей группы

(В. Вундт), осознание себя представителем этнической группы на основе отличительных признаков (М. Лацарус и Х. Штейнталь), во-вторых — эмоционально-оценочный компонент (чувства, связанные с принадлежностью к этнической группе, оценочное отношение к группе и своему членству в ней (Г. Шпет) (см.: Стефаненко, 1999, с. 211).

Когнитивный компонент формируется на основе знаний и представлений об этнокультурном мире, который включает в себя множество модификаций окружающей реальности, аккумулярованных членами этнической общности в ходе ее исторического развития. Мир этот являет собой способ организации и развития жизнедеятельности этнических субъектов, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе общественных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, к собственной этнической общности, а значит — в совокупности качественного своеобразия отношений этнических субъектов к параметрам этногенеза своей общности (климато-географическому, расово-биологическому, социокультурному) в соотношении с другими. Эти образования находятся рядом с нами в виде «артефактов» (см.: Коул, 1997), преобразованных в ходе их включения в разнообразные формы целесообразной человеческой деятельности.

Субъективная сторона всякой реально существующей общности людей конституируется путем двуединого или двустороннего психологического явления, обозначенного выражением «*Мы и Они*»: путем соотношения одной общности и другой (см.: Поршнев, 1966, с. 103), т. е. через представления об этнодифференцирующих признаках этноса — отличительных особенностях этнической культуры. К ним относятся этноним (самоназвание), происхождение и историческое прошлое членов этноса, этническая территория, язык, религия, культура, национальная одежда, пища, жилище, обычаи, обряды, традиции, народное творчество, сказки, песни, предания, национальная литература и профессиональное искусство, антропологические признаки и этнопсихологические особенности, экономика, представляющие элементы различных подсистем или сфер этнической культуры (см.: Мкртумян, 1978). На определенном этапе этногенеза их роль и значение в формирова-

нии когнитивного компонента этнической идентичности могут меняться (см.: Стефаненко, 1999, с. 212).

Аффективный компонент этнической идентичности проявляет себя в национальных чувствах (чувствах национальной гордости и национального достоинства, чувствах превосходства и исключительности своей нации) и настроениях (позитивном и негативном), этнических стереотипах (гиперпозитивных и гипонегативных), установках (позитивной и негативной предрасположенности), каузальной атрибуции (позитивного и негативного приписывания) и др.

Помимо того вопрос о содержании этнической составляющей идентичности необходимо рассматривать в русле проблемы соотношения осознаваемых и неосознаваемых ее структур. Так, представители психодинамической парадигмы основной частью содержания идентичности считали бессознательные ее структуры как подавленную и вытесненную часть общечеловеческого опыта. К. Юнг заявил о существовании более глубокого и древнего душевного слоя, названного им коллективным бессознательным. Коллективное бессознательное состоит из содержания, которое лишь в минимальной степени формируется личностью, а в своей сущности вообще не является индивидуальным приобретением, оно по существу одинаково повсюду и не изменяется при переходе от человека к человеку. Это бессознательное — как воздух, который одинаков повсюду, которым дышат все, но который не принадлежит никому. Его содержание, называемое архетипами, — первичные условия или паттерны психического формирования вообще (см.: Jung, 1969).

К. Юнг называет архетипы «первичными образами», потому что они часто соответствуют мифологическим темам, которые вновь и вновь появляются в народных сказках и легендах различных времен и народов. При этом они могут обнаруживать себя в снах и фантазиях. В сознании может быть представлено и интегрировано только содержание архетипа, но не он сам, поэтому архетип не может быть устранен посредством интеграции и отказа принимать его содержание в сознание. Согласно юнговскому пониманию, архетипы — это система обобщенных образов, предписывающих индивидуам определенные когнитивные, поведенческие и эмоциональ-

ные формы. Они проникают в эго посредством культурных символов, представленных в философском, религиозном мировоззрении, народном творчестве.

Очевидно, что с архетипа как одной из самых древних тождественностей человека начинается осуществление непрерывности его пребывания во временном континууме (от прошлого через настоящее в будущее). Архетипы — это то, что связывает человека с его предками. Находясь в пространстве коллективного бессознательного, они вызывает некоторое интуитивное чувство у человека, что что-то связывает его с другими людьми. Но когда архетипы проникают в сферу сознания и архетипические образы становятся осознанными, человек явно заявляет об общности исторических судеб и единстве происхождения.

В рамках символического интеракционизма Дж. Мид (Mead, 1975) утверждает, что неосознаваемая идентичность базируется на неосознанных отчужденных социальных нормах, правилах и привычках, формальное следование которым отвечает ожиданиям социальной группы. В свою очередь осознаваемая идентичность проявляется тогда, когда человек рефлексировал себя, размышляет о происходящем в его собственном сознании. Переход от неосознаваемой к осознаваемой идентичности возможен лишь только при осуществлении рефлексии посредством категорий, выработанных в языке. Как видно, осознание своей идентичности происходит с помощью языка — культурного символа социальной группы. Человек не только следует социальным установкам, но и использует их в качестве регуляторов собственного поведения в своей индивидуальной жизни.

Л. Краппман (Krappman, 1969) указывал, что в ситуации межличностного взаимодействия значения и смыслы одних и тех же символов у партнеров могут отличаться, что может вызвать угрозу целостности их осознаваемой идентичности. Он выделил факторы, обеспечивающие сохранность осознаваемой идентичности, к которым отнес условия социальной ситуации и способности человека. Социальная ситуация должна быть такой, чтобы каждый имел возможность свободно предъявлять себя и самопрезентировать свою идентичность в процессе взаимодействия. Успех поддержания идентичности обусловлен тем,

насколько человек умеет правильно выстраивать ролевые позиции в ходе взаимодействия, насколько поступающая информация соотносится с прежним накопленным опытом. При этом успешность идентичности зависит также от того, в какой степени выражены у человека способности к проявлению эмпатии, *толерантности* к противоречиям.

В силу сказанного этническую идентичность можно рассматривать как уровневое образование, включающее в себя неосознаваемый и осознаваемый уровни. Можно предположить, что на первом доминирует аффективный компонент, основанный на чувстве принадлежности к этнической группе, на втором — когнитивный, который формируется посредством осознания отличительных особенностей своей группы и своего места в ней. Кроме того, на первом уровне индивид может лишь определить себя как член этнической группы, тем самым принимать законы ее функционирования и следовать им. На втором уровне индивид уже приписывает эти законы себе и использует их как внутренние регуляторы своего социального поведения.

Становление и развитие. В науке (см.: Введение в культурологию, 1995; Сухарев, 1998) отмечается определенная последовательность соответствия характера взаимодействия индивида с этнокультурным миром и стадий развития этих отношений в филогенезе, т. е. стадий развития отношений людей в определенном культурно-историческом процессе. Динамика этих стадий в рамках конкретной этнической среды рассматривается как их последовательная трансформация от языческо-природной к преобладанию монотеистического компонента при выраженном единстве и целостности религиозно-этической концепции и, затем, к современному просвещенному научному мировоззрению. Стало быть, в индивидуальном развитии каждого человека в известном приближении можно выделить стадии развития его отношений к этническому миру. Так, выделяются три стадии, имплицитно выполняющие этническую функцию. Первая — сказочно-мифологическая, приходящаяся на дошкольный и младший школьный возраст, вторая — нравственно-этическая (религиозная) охватывает подростковый возраст, третья — технотронно-сци-

ентическая выпадает на старший школьный возраст. Этно-функциональное нарушение последовательности стадий приводит к этнокультурному дизонтогенезу в развитии ребенка (см.: Сухарев, 1998).

Развитие этнической идентичности в онтогенезе можно рассмотреть в качественном своеобразии последовательных этапов становления когнитивного и аффективного ее компонентов, соотносимых с основными периодами психического развития (см.: Снежкова, 1982; Стефаненко, 1999, с. 218; Piaget, Weil, 1951). Возрастные границы этапов для различных народов могут меняться в зависимости от вариативности этногенетических процессов в обществе.

Начальный этап приходится на дошкольный и младший школьный возраст. Для него характерно еще нечеткое осознание детьми общности со своим народом, немотивированный выбор своей этнической принадлежности, слабые этнические знания. Нужно иметь в виду, что на данном этапе семья выполняет значительную роль в передаче этнокультурной информации.

У детей этого возраста необходимо учитывать такую особенность, как бинарность представлений и оценки этнического окружения. Осознание «своих» основано на ежедневном конкретном собственном опыте с окружающими без четкой дифференциации по этническому признаку, тогда как представление о других народах базируется на синтезированном групповом, абстрактном образе «иных» (см.: Левкович, Панкова, 1973). Формирование этнической самоидентификации происходит по принципу: «Я такой же, как окружающие». В социальном отношении этот период является решающим для ребенка (см.: Эриксон, 1996б, с. 133 — 139). Развивающееся в это время чувство созидания — ощущение способности производить совместно с другими людьми (детьми и взрослыми) отдельные вещи и предметы культуры — поддерживает в каждом ребенке чувство компетентности, т. е. свободное упражнение своих умений, интеллекта при участии в общественно полезной деятельности своего народа. Именно в этот момент широкое социальное окружение становится значимым для ребенка, допуская его к ролям прежде, чем он встретится с актуальностью технологии и экономики.

С другой стороны, данный период таит в себе некоторую опасность. Именно в это время закладывается прочная база для будущих предрассудков и конфликтов. Влияние расширяющегося социального опыта ребенка в младшем школьном возрасте на его личностное становление иногда приводит к тому, что у детей появляются этнические предубеждения. Однако непосредственные контакты с детьми представителей других народов значительно ослабляют силу априорных этнических установок (см.: Флейк-Хобсон и др., 1992, с. 431).

Еще одна опасность этой стадии кроется в развитии отчуждения от самого себя и от своих задач — хорошо известного чувства неполноценности. Если ребенок обнаружит, что цвет его кожи или положение его родителей в значительно большей степени определяют его ценность как ученика, чем его желание и воля учиться, то ощущение себя недостойным, малоценным может роковым образом отразиться на его характере (см.: Эрикссон, 1996б, с. 134 — 135).

В эмпирическом исследовании особенностей развития этнической идентичности детей дошкольного возраста, проживающих в разных статусно-региональных условиях (см.: Хотинец, 2001), первая выборка включила в себя детей (20 человек) в возрасте 6—7 лет подготовительной национальной удмуртской группы детского сада-прогимназии, обучающихся по национальной программе с включением этнорегиональных компонентов, г. Ижевска Республики Удмуртия. Во вторую группу вошли дети удмуртской национальности (20 человек) 6—8 лет, посещающие детский сад с традиционной системой обучения и воспитания в с. Вавож Республики Удмуртия.

Детям были заданы следующие вопросы.

1. Твоя фамилия, имя, возраст, пол?
2. Национальность твоя собственная, твоих родителей. Чем ты объясняешь отнесение себя и своих родителей к определенной национальности?
3. К какому народу ты себя относишь?
4. Какой язык (языки) ты знаешь? Какой считаешь родным? На каком языке говорят в твоей семье, дома? На каком языке ты любишь слушать сказки?
5. Знаком ли ты с национальной одеждой, с ее особенностями?

6. С какими национальными праздниками, обычаями и традициями ты встречался?

7. Знаешь ли ты народные песни и танцы?

8. Какие пословицы и поговорки есть у твоего родного народа?

9. Какие сказки, герои сказок тебе знакомы?

10. Каких известных земляков (поэтов, писателей, композиторов, ученых и т. д.) ты знаешь? Кем гордится твой народ, к которому ты себя относишь, и ты сам?

11. Есть ли отличия между твоим народом и другими? Если есть, то какие?

В случае недостаточного обоснования ответов ребенку предлагались уточняющие дополнительные вопросы.

Анализ полученных результатов показал, что в сравнении с сельскими детьми всех городских детей можно считать билингвами: они могут говорить как на родном, так и на русском языке (12 из них считают родным национальный язык, 8 — русский). В детском саду они общаются на двух языках. В семье говорят на родном языке 11 человек; с остальными (9 человек) родители разговаривают только на русском языке. Предпочтений к языкам дети не обнаруживают. Что касается сельских детей, то все они считают национальный язык родным, предпочитают на нем говорить и слушать сказки.

Городские дети ответили на 67,3% вопросов, а сельские — лишь на 46%. Это можно объяснить тем, что в национальном саду-прогимназии дополнительно реализуется программа этнокультурного развития ребенка, посредством которой дети знакомятся с особенностями культуры своего народа, тогда как сельский детский сад работает по традиционной программе обучения и воспитания. Большинство городских детей умеют правильно обосновывать и объяснять свой выбор, что обусловлено спецификой образовательной системы обучения и воспитания в городских дошкольных учреждениях. При этом, несмотря на правильность обоснования ответов, городские дети предлагают меньшее число их вариантов (1—3) по сравнению с сельскими детьми (2—4). Этот факт можно объяснить тем, что сельские дети непосредственно включены в культурную практику своего народа, в специфический этнокультурный мир, в то время как городские дети, проживающие в ур-

банизированной русскоязычной среде, лишены подобного окружения.

На вопрос, отличаются ли поступки и поведение одного народа (в данном случае — удмуртов) от поступков и поведения других (например, русских), городские дети (6 человек) ответили утвердительно с некоторой попыткой обоснования: они слышали от взрослых, что удмурты добрые, никому не угрожающие, мягкие, а русские строгие, опасные, сильные. Десять детей считали, что все люди одинаковы, четверо ответить затруднились. В свою очередь семеро сельских ребят полагали, что отличия есть, но только двое из них смогли объяснить, в чем они заключаются (по словам взрослых, удмурты лучше, чем русские); остальные ответить не смогли. Как уже было сказано, в этом возрасте осознание «своих» основано на ежедневном конкретном собственном опыте общения с окружающими, а представление о других народах базируется на синтезированном групповом, абстрактном образе «иных», формирование которого зависит прежде всего от этнических стереотипов и установок окружающих взрослых.

Итак, исследование показало, что дети дошкольного возраста, развитие которых проходит в непосредственном взаимоотношении с этнокультурным миром, в системе жизнедеятельности этнической группы, качественно иначе *воспроизводят этническую картину мира* по сравнению с детьми, лишь только получавшими знание о нем, хотя последние предлагают большее число ее компонентов.

Второй этап развития этнической идентичности охватывает подростковый возраст. Он характеризуется осознанным отношением к своему этносу. У детей проявляется интерес к истории и культуре своего и других народов, формируются системы представлений и оценок об этнокультурных и этнопсихологических особенностях своей общности в сравнении с иноэтническим окружением. Этническая самоидентификация формируется по принципу: «Я такой же, как мой народ». Необходимо учитывать, что новообразования происходят в период подросткового «кризиса идентичности» (см.: Эриксон, 1996б, с. 322), когда созревший организм приобретает индивидуальный внешний вид; когда сформировавшаяся сексуальность заставляет искать партнеров для чувственных

игр и продолжения рода; когда полностью развившееся сознание подзвоняет индивиду обдумывать свою карьеру в контексте исторической перспективы. И все эти идеосинкратические процессы развития проявляются во множестве конфликтов. Отчуждением этого периода является смещение психосоциальной идентичности, сопровождающееся ролевой спутанностью, сильными сомнениями относительно своего места в социальной группе, кажущейся безнадежностью жизненных перспектив. Подростки из семей национальных меньшинств в условиях дискриминации сталкиваются с гораздо большими трудностями. Они чувствуют свою отчужденность от общества острее, так как явно ощущают отсутствие поддержки с его стороны. Самоотчуждение подростками переживается еще тяжелее, чем отчуждение. Отрешенность от собственного *Я* объясняется низким уровнем развития самосознания, что в свою очередь может являться следствием дискриминации, которой, как свидетельствует мировой опыт международных отношений, могут подвергаться национальные меньшинства в течение длительного времени (см.: Флейк-Хобсон и др., 1992, с. 495 – 496).

Благоприятный исход кризиса приводит к осознанию подростком того, что его индивидуальный способ взаимоотношения с миром, освоения социального опыта, развивающаяся конфигурация идентичности путем успешного синтеза *эго* — один из оптимальных вариантов группового самосознания, не противопоставленный и не противоречащий личностному.

Семья продолжает оказывать большое влияние на формирование этнической идентификации подростка. Значительную роль в отнесении себя к тому или иному народу играет для него уровень авторитета родителей. Некоторые позитивные качества, которыми подростки наделяют наиболее авторитетного из родителей, переносятся также и на всех представителей этнической группы, к которой тот принадлежит. Позитивная оценка родителя и его этнической группы в этом случае является для подростка условием становления его этнической самоидентификации. Не менее важное значение имеют такие моменты, как стремление подростков принадлежать к одной из групп этнического большинства в регионе, а также язык, в первую очередь выполняющий для подростков этно-

дифференцирующую функцию (см.: Левкович, Кузмицкайте, 1992).

Для изучения особенностей развития этнической идентичности детей подросткового возраста было проведено эмпирическое исследование (см.: Хотинец, 2001), в котором участвовали 42 школьника татарской национальности в возрасте 10 – 13 лет, проживающие в г. Воткинске Республики Удмуртия. Из них 21 человек обучался по национальной и 21 человек – по традиционной образовательным программам. В систему национального обучения введен цикл дисциплин и занятий с национальными компонентами («Татарский язык», «Татарская литература», ряд факультативных занятий: «Родное слово», «Краеведение» и др.). Через систему дополнительного образования реализуются программы этнокультурного развития ребенка с ориентацией на исторически развитые формы эстетической культуры («Татарский фольклор», «Татарские танцы», «Татарские народные инструменты»), культуры движений («Татарская борьба»). Занятия проводятся как в индивидуальной, так и в групповой форме. Дети активно принимают участие в городских и республиканских национальных праздниках, фестивалях, конкурсах, где знакомятся с культурами других народов. Во время летней практики они выезжают в фольклорно-этнические экспедиции, в т. ч. и в Татарстан.

По результатам использования методики исследования особенностей развития этнического самосознания (см.: Хотинец, 2000) выяснилось, что система представлений об этнокультурных особенностях своего народа у подростков – учащихся национальных классов включает в себя большее число этнодифференцирующих признаков. Этническая самоидентификация проходит на основании более широкого набора этноинтегрирующих признаков (национальные обычаи и обряды, народное творчество, национальная одежда, национальная литература, язык, внешние особенности представителей этноса, происхождение и историческая судьба своего народа, религия, ранжированные по степени значимости).

Методика «Проективный рисунок» (см.: Иванова, 1998) позволила получить данные о том, что подростки, обучающиеся в национальных классах, при построении этнической кар-

тины мира оперируют большим набором этнических элементов (признаков). Так, для изображения представителей татарского, русского, удмуртского народов они использовали большее число смысловых групп (человек и отдельные элементы внешнего облика; пища, напитки; национально-бытовые символы; труд в быту; экономическая жизнь общества; животные, растения; техника; негативная символика). В свою очередь у детей, обучающихся по традиционным программам, национальный образ был представлен чаще всего изображениями человека или отдельных элементов его внешности, национально-культурных символов и негативной символики.

С помощью психосемантического метода (см.: Петренко, 1997) получена возможность строить семантические пространства компонентов этнокультурного мира на основе шкалирования понятий («Я», «татарский народ», «татарская культура», «русский народ», «русская культура», «удмуртский народ», «удмуртская культура») учащимися различных классов. Под семантическим пространством понимается операциональная модель категориальных структур индивидуального и общественного сознания. При этом отдельные параметры семантического пространства соответствуют определенным аспектам когнитивной организации сознания. Когнитивная сложность определяет дифференцированность сознания, взаимосвязана с гибкостью, адаптивностью реального поведения субъекта, коррелирует со степенью свободы личности в принятии решений в анализируемой содержательной области (см.: там же, с. 103). Так, при помощи указанной методики выявлено, что у подростков-татар, обучающихся в национальных классах, структура семантического пространства отличается большей сложностью, чем у подростков-татар из обычных классов. Тем самым школьники из национальных классов характеризуются высокой степенью когнитивной сложности при дифференциации этнокультурных компонентов, они выделяют большее число групп этнокультурных категорий на основе более широкого арсенала отмеченных ими признаков. Семантические пространства, построенные на базе оценок компонентов этнокультурного мира, являются производными от знаний об этом мире. Очевидно, что система представлений об этнодифференцирующих и этноинтегриру-

ющих компонентах этнокультурного мира, составляющая когнитивный компонент этнической идентичности подростков, формируется в зависимости от их приобщенности к этнокультурному миру.

Мы заинтересовались вопросом об адаптивности реального поведения в условиях межэтнических отношений подростков разных групп. С этой целью была использована проективная методика рисуночной ассоциации С. Розенцвейга, в инструкции к которой уточнялось, что говорящий человек является представителем русского народа. Подростки-татары имеют собственный опыт взаимоотношений с русскоязычным населением, т. к. в г. Воткинске большинство населения — русские. В итоге GCR — показатель групповой конформности, позволяющий судить о степени социальной адаптации, у детей из национальных групп оказался выше (49 %), чем у школьников из общеобразовательных классов (37 %).

Результаты проведенного исследования показывают, что школьники, обучающиеся по национальной системе образования с включением этнокультурных компонентов, *отличаются от других сложностью когнитивного компонента этнической идентичности, адаптивностью реального поведения в окружающем этнокультурном мире.*

Третий этап выпадает на старший школьный возраст. На данном этапе укрепляется осознание личностью своей этнической принадлежности, конструируется этническое мировоззрение. В старшем школьном возрасте на становление этнической идентичности детей наибольшее воздействие оказывает школа, целенаправленно влияющая на процесс развития самосознания личности, его этнической направленности. В этот период этническая самоидентификация формируется по принципу: «Я — представитель своего народа».

По утверждению Э. Эриксона, для ранней юности характерен кризис идентичности — это кризис всего поколения и проверка прочности мировоззрения всего общества (см.: Эриксон, 1996б, с. 322). Общество дает возможность молодому человеку стыковать индивидуальные способы идентификации с общественными. Отчужденность от идеологии общества приводит к необратимым последствиям. Установившаяся в этот период идентичность включает в себя все значимые идентифика-

ции, в том числе и этническую, но в то же время изменяет их с целью создания единого и причинно связанного целого.

Как правило, кризис идентичности сопровождается негативными эмоциональными переживаниями, большой потребностью изменить себя и ситуацию, поиском путей к этому. «Боязнь диффузности идентичности» (Э. Эриксон) проявляется в сомнениях относительно своего места в обществе, своих возможностей и перспектив. Молодые люди в состоянии острой диффузности идентичности ощущают тревогу, чувствуют себя изолированными от мира, опустошенными, неспособными сделать выбор, принять решение. Юноша становится очень чувствительным по отношению к самому себе и к требованиям общества, он старается скрыть свое столь ранимое Я и убежать в одиночество от возможных разочарований. И только когда он примет сам себя, утвердится в себе, почувствует силы нести ответственность за свой выбор и свои решения, тогда он будет готов к близости с другими. При этом субъективными факторами, предрасполагающими выходу из кризиса и формированию зрелой идентичности, являются низкая самопривязанность, интернальность и высокая степень рефлексии.

Несформированность или потеря чувства идентичности часто выражаются в презрительной и снобистской жестокости по отношению к ролям, предлагаемым обществом в качестве желательных. Потребность в жестком, пусть и преходящем стандарте при слабости у молодых людей их собственной идентичности так велика, что они «иногда предпочитают быть никем, абсолютно никем, нежели представлять собой пучок противоречивых фрагментов идентичности» (Эриксон, 1996б, с. 97 – 98). Даже при расстройствах, обычно называемых предпсихотичными или психопатическими или определяемых как-либо иначе в терминах психопатологии зрелого возраста, наблюдается почти намеренный поворот к негативной идентичности (и к ее истокам в прошлом и настоящем). «В более широком масштабе аналогичный поворот к негативизму прослеживается у молодых наркоманов и правонарушителей в больших городах, где людям, принадлежащим в экономическом, этническом или религиозном отношении к меньшинствам, трудно выработать в себе позитивную идентичность. Когда учителя, судьи, психиатры считают такую “негативную иден-

тичность” естественной и окончательной, молодой человек нередко гордится тем, что он именно таков, каким ожидало его видеть равнодушное общество. Тем самым он удовлетворяет свою потребность в тотальной ориентации» (там же). В центр юношеского пренебрежения могут попасть роли, связанные с половой идентификацией, национальностью, классовой принадлежностью и общечеловеческими нормами (см.: Эриксон, 1996а). При этом негативные переживания могут быть направлены не только на окружающий мир, но и на самого себя и провоцировать, таким образом, внутренний конфликт.

В предложенной Дж. Марсия статусной модели идентичности (см.: Marcia, 1980) выделяется досрочная, или предрешенная, идентичность, которая выражается в пассивном, некритичном принятии предлагаемой обществом (семьей, школой) социальной роли, минуя кризис и активный поиск собственной идентичности. При этом ситуация субъективно воспринимается как вполне благоприятная, человек удовлетворен собой, своим поведением и не испытывает потребности в каких-либо изменениях. Модель Дж. Марсия широко применяется в исследовании подростков (см.: Waterman, 1982; Bosma, 1985; Антонова, 1996).

В исследовании особенностей развития идентичности в ранней юности (см.: Хотинец, 2001) принимали участие 160 учащихся в возрасте 17 – 18 лет (84 русских и 76 коми-пермяков) – студенты средних специальных учебных заведений (медицинского и педагогического колледжей) г. Кудымкара Коми-Пермяцкого округа Пермской области. По аналогии с работами зарубежных и отечественных психологов (см.: Marcia, 1980; Waterman, 1982; Bosma, 1985; Солдатова, 1996; Эриксон, 1996; Лебедева, 1998; Стефаненко, 1999) были использованы следующие методики: самоактуализационный тест, методика исследования самооотношения. Показатели характеристик самоактуализации и самооотношения в обеих группах были подвергнуты факторному анализу.

По результатам факторного анализа показателей в русской выборке было выделено четыре значимых фактора. В первый фактор, который был назван «отношение к себе», вошли показатели как с положительными весами («зеркальное Я»,

самоуверенность, самооценność, самоуважение, саморуководство), так и с отрицательными весами (самообвинение, внутренняя конфликтность). Второй фактор под названием «адаптивность» включил в себя показатели только с положительными весами: гибкость поведения, компетентность во времени, самопринятие, поддержка. Третий фактор, названный «представления о мире», состоял из таких показателей с положительными весами, как синергия, представления о природе человека, ценностные ориентации. Четвертый фактор, названный «рефлексия», также был представлен показателями с положительными весами: сенситивность к себе, познавательные потребности, поддержка, контактность, принятие агрессии.

В коми-пермяцкой выборке по результатам факторного анализа выделены тоже четыре значимых фактора. Первый фактор («адаптивность») сгруппировал следующие показатели с положительными весами: самопринятие, компетентность во времени, поддержка, гибкость поведения. Во второй фактор («отношение к себе») вошли показатели с положительными весами: закрытость, самооценność, «зеркальное Я», самоуверенность; и с отрицательными весами: самообвинение, внутренняя конфликтность. Третий фактор («представления о мире») включил только показатели с положительными весами: синергия, представления о природе человека, ценностные ориентации. В четвертый фактор («рефлексия») вошли показатели с положительными весами: сенситивность к себе, принятие агрессии, спонтанность. Таким образом, факторы, выделенные в группах русских и коми-пермяков, совпадают по содержанию симптомокомплексов.

С целью выявления типов идентичности в каждой этнической группе был проведен кластерный анализ по выделенным факторам. Как в русской, так и в коми-пермяцкой группе обнаружено по три кластера. В той и другой выборке первый кластер назван «досрочная идентичность», второй — «зрелая идентичность», третий — «кризис идентичности». Кластеры сравнивались между собой с помощью t-критерия Стьюдента. В ходе анализа было определено, насколько выражены особенности различных типов идентичности.

Результаты показали, что лица со зрелой идентичностью (12 % от генеральной выборки) характеризуются наиболее

высокими показателями самоактуализации. Им можно приписать позитивное отношение к себе, высокую адаптивность поведения, положительное восприятие мира, высокую степень рефлексированности своих потребностей и чувств. Они отчетливо переживают собственное Я как внутренний стержень, интегрирующий личность, адекватно оценивают себя по социальным критериям. О внутренней непрерывности и тождественности личности обладающих зрелой идентичностью свидетельствует сформированность временной перспективы: прошлое, настоящее и будущее переживаются как единое целое; ощущение своего Я не зависит от изменения ситуаций, ролей. Молодые люди, обладающие зрелой идентичностью, разделяют ценности самоактуализирующейся личности, стремятся руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами, не проявляя негативного отношения к окружающим.

В свою очередь тенденция к понижению показателей по данным проявлениям обнаружена у лиц с досрочным формированием идентичности (32 % от генеральной выборки) и с кризисным ее состоянием (56 % от генеральной выборки). Испытуемые с досрочной психосоциальной идентичностью характеризуются конформностью, зависимостью, внешним locus контроля. Низкие показатели внутренней конфликтности свидетельствуют об отрицании проблем, закрытости, поверхностном самодовольстве. Молодые люди с досрочной идентичностью консервативны в реализации своих ценностей в поведении, взаимодействии с окружающими людьми, нетерпимы к противоречиям и неясностям. Переживающие период кризиса идентичности отличаются негативным самоотношением, отсутствием временной перспективы, дезинтегрированностью мировоззрения.

Интересные результаты получились при сравнении полученных данных по тесту «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда, позволяющему выявить актуализированные самоидентификации и их включенность в целостное образование психосоциальной идентичности. Испытуемым предлагалось дать не менее десяти ответов на вопрос «кто Я?». Вся совокупность свободных характеристик была подвергнута контент-анализу с целью определения в идентификационных матрицах при-

оритетных статусных категорий. Иерархия категорий в собирательном образе Я, разделяемая группой, соответствует общему внутреннему плану действий группы по защите и укреплению приоритетных статусных позиций (см.: Солдатова, 1996, с. 301 – 304).

Итак, у испытуемых со зрелой идентичностью преобладают категории: «планетарная», «общечеловеческая», «гражданская», «этническая», «групповая» идентификации, «положительная самооценка нравственных, интеллектуальных качеств», «личностная позиция», «поведенческие особенности» (68 %). Категория «национальность» по частоте встречаемости среди всех обозначенных самоидентификаций заняла промежуточное место. На первый взгляд, высокий показатель встречаемости этнической идентификации можно объяснить интенсивностью групповой категоризации по этническому признаку у лиц, проживающих в национальном округе. Наименьшее количество ответов обнаружили категории «гендерная самоидентификация», «умения» (19 %). Отсутствуют пропуски ответов (отмечены все 10 характеристик). Число объективных характеристик в общем числе самоидентификаций (63,8 %) преобладало над числом субъективных. Конфигурация идентичности представлена совокупностью значимых идентификаций, сложившихся в данный возрастной период благодаря самостоятельному принятию самого себя (личностная позиция).

В группе лиц с досрочной идентичностью выявлено наибольшее количество ответов-идентификаций, определяющих человека как члена микросоциальной общности (семейная, групповая, профессиональная самоидентификации) (62 %), а наименее популярными здесь оказались такие категории, как «личностная позиция», «поведенческие особенности» (12 %). Испытуемые данной выборки оказались единственными, кто не дал ни одного ответа, связывающего их актуальную жизнь с будущим. С учетом частоты встречаемости категория «национальность» получила предпоследнее место в категориальной матрице идентификаций. Число объективных характеристик (65,8 %) превышало число субъективных. Достижение идентичности у представителей данной группы, скорее всего, обеспечивается в результате присвоенных значимых иденти-

фикаций (высокие показатели групповой категоризации и низкие — выражающие личностную позицию).

У испытуемых с кризисом идентичности замечается наименьшее по сравнению с другими число ответов, относящихся к идентификационным категориям. Превалирующей является идентификация в общечеловеческом плане (47 %), наблюдается негативная самооценка нравственных качеств (30 %), отмечаются социально нежелательные личностные свойства (26 %); доля двух последних характеристик невелика, но на фоне других групп выделяется. Часть ответов отражала ориентацию на будущее (37 %). В самом минимальном количестве присутствуют категории: «позитивная самооценка нравственных и интеллектуальных качеств», «социально значимые личностные свойства», «предпочтения», «умения» (6 %). Этническая идентичность по частоте встречаемости в категориальной матрице заняла предпоследнее место. Изначально отказались отвечать на вопросы, заданные инструкцией, 40 % испытуемых. Другая часть допускала пропуски ответов (обнаружено меньшее количество ответов). Обычно восприятие человеком самого себя происходит в контексте социальных взаимоотношений, поэтому число объективных характеристик преобладает над числом субъективных (см.: Солдатова, 1996, с. 302). У испытуемых с кризисом идентичности обнаружено небольшое преимущество субъективных характеристик (55 %) над объективными за счет негативной самооценки и самопредставленности. Как правило, кризис идентичности сопровождается негативными эмоциональными переживаниями, большой потребностью изменить себя и ситуацию, поиском путей к этому.

Итак, анализ группового образа Я с учетом типа идентичности показал, что только зрелая идентичность включает в свою конфигурацию значимую этническую идентификацию, причины развития которой воплощены в этнокультурном мире.

Обращают на себя внимание результаты количественного состава испытуемых с различными типами идентичности в разных этногруппах. Обнаружено, что близкими по численному составу оказались группы со зрелой идентичностью (9,5 % русских и 14,5 % коми-пермяков). Типичность кризиса идентичности в ранней юности (см.: Эриксон, 1996б) подтвержде-

на данными лишь на материале исследования коми-пермяцкой выборки (75 %). В свою очередь всего лишь 39,3 % молодых людей русской национальности переживают ее кризисный период. Существенную разницу можно объяснить тем, что в русской выборке 51,2 % испытуемых не проходили этап кризиса идентичности. Большая доля досрочной идентичности у представителей русской выборки, проживающих в национальном округе, где коми-пермяки составляют большинство населения, скорее всего объясняется тем, что формирование элементов значимых для них идентификаций происходило лишь только посредством идентификации со своими русскоязычными родителями, родственниками, друзьями, а не в результате самостоятельного их поиска и выбора. Можно предположить, что результат формирования убеждений, потребностей, ценностей, целей под влиянием значимых других является предпосылкой, определяющей низкий уровень самоактуализации испытуемых данной группы, заниженную оценку ими собственного Я по отношению к социально-нормативным критериям. Как известно, оптимальное развитие идентичности достигается за счет самостоятельного принятия человеком решений относительно того, каким ему быть (см.: Эриксон, 1996б; Marcia, 1980; Waterman, 1982), что обеспечивает достижение интегральной конфигурации идентичности.

Сложившаяся конфигурация включает в себя совокупность значимых базовых идентификаций, формирующихся в течение всей жизни человека, из которых этническая является одной из самых древних и устойчивых форм тождественности и непрерывности его существования (см.: Лебедева, 1993, с. 173). Стало быть, развитие идентичности зависит от успешности структуризации сформировавшихся значимых базовых идентификаций, одна из которых — этническая — обеспечивается за счет усвоения и принятия высших ценностей родового потенциала общности. Таким образом, *успешное развитие идентичности с благоприятным исходом ее кризисного периода в раннем юношеском возрасте зависит от приобщенности к культурным ценностям своего народа для осуществления согласования сложившейся интеграции значимых идентификаций и соответствующих ей способов жизнедеятельности в культурном мире.*

Трансформация. Как уже говорилось, становление этнической идентичности происходит на основе самокатегоризации по этнокультурным признакам, осуществляющейся по принципу: «Мы — своя этническая группа, Они — другая этническая группа». Психологическими условиями актуализации позитивной этнической идентичности являются, во-первых, осознание особенностей своей группы на основе этнодифференцирующих признаков, во-вторых, социально-нормативное (аксиологическое) отношение к отличительным особенностям своей и других этнических групп.

При этом важно учитывать особенности становления этнической идентичности при трансформации ряда психологических условий, как-то: изменение образа своей и других этнических групп, отношения к ним. Необходимо иметь в виду и такую особенность этнической идентичности, которая осуществляется с учетом категоризации, основанной на групповом сходстве и различии по принципу «лучший — худший», «свой — чужой» (оценочный компонент). Отношение к своему и другим этносам включает оценочный аспект, аффективная сторона которого привносит неадекватность соотносительности в сторону как гиперболизации (преувеличения), так и литотизации (преуменьшения). В силу этого этническая идентичность приобретает разные формы в зависимости от полюса своей направленности.

Позитивная этническая идентичность с избыточной степенью противопоставления по градиенту гиперболизации принимает такие виды, как:

1) *этноцентризм* — осознание своей общности с аффективной на самоутверждение при особо значительном отношении к ее этничности. Форма проявления — «преувеличение и интенсификация в этнических обычаях всего, что является специфичным и что отличает одну общность от другой» (Sumner, 1906, p. 13), предопределяющие неагрессивный изоляционизм. В крайне выраженной форме этноцентрические установки могут привести к *этноизоляционизму*;

2) *этнодоминирование* — осознание своей общности с аффектацией на гиперэтничность. Форма проявления — абсорбация. Численное превосходство общности, ее политическое и организационное совершенство, а в особенности религиоз-

ное содержание, обеспечивают превосходство культуры ингруппы по отношению к аутгруппе (см.: Muhlman, 1967);

3) *этнофанатизм* — осознание своей общности с аффектацией на исключительность. Форма проявления — фанатическая, вплоть до патологической приверженности к групповой догме, интолерантность к иноэтническому окружению;

4) *национализм* — осознание своей этнической общности с аффектацией на максимализм. Форма проявления — дискриминация. Восприятие членами одной из этнических общностей угрозы со стороны другой обуславливает повышенную враждебность в отношении последней при высокой внутриэтнической солидарности (см.: Le Vine, Campbell, 1972) (один из принципов «реалистической теории группового конфликта»).

Таким образом, этническая идентичность в гиперболизированной форме (гиперидентичность) характеризуется сверх-позитивным эмоционально-оценочным отношением к ингруппе и, как следствие, негативным — к аутгруппе.

Другая форма — негативная этническая идентичность при литотизации противопоставления своего этноса другим этническим группам проявляется как:

1) *этнонегативизм* — осознание своей общности с негативной аффектацией. Направленность проявления — ориентация на свой этнос при отрицательном его представлении, обусловленном неравномерностью развития этнических сообществ, различным уровнем экономического и культурного прогресса. Степень проявления зависит от уровня привлекательности иноэтнических объектов оценивания;

2) *этноэлиминация* — осознание своей общности с аффектацией на самоустранение. Направленность проявления — ориентация на другой (референтный) этнос с осознанием принадлежности к своему. Степень проявления связана с мерой вклада иноэтнических ценностных «потребностей» в мотивационную структуру личности;

3) *этнонигилизм* — осознание своей общности с аффектацией на самоотрицание. Направленность проявления — ориентация на другой этнос с осознанием принадлежности к нему. Предпосылкой этому является сдвиг в этнической определенности, в характерном данной культуре стиле жизни на поиск стратегических преимуществ (см.: Артановский, 1979).

Этническая идентичность в литотизированной форме (гипоидентичность) предполагает негативное эмоционально-оценочное отношение к ингруппе при позитивном отношении к аутгруппе. Ясно, что избыточная степень противопоставления *Мы — Они*, трансформирующаяся в дихотомии «лучший — худший», «свой — чужой», обусловлена дезадаптацией этнических групп в условиях социокультурной дезинтеграции. «Рассогласованность интериоризированных этнических параметров» (А. В. Сухарев) в этническом сознании предопределяет повышение тревожности как первичной реакции человека на дезинтеграцию социокультурной среды, препятствующей успешной этнокультурной адаптации (см.: Левкович, Андрушак, 1995).

Как гиперидентичность, так и гипоидентичность выполняют функцию социально-психологической защиты этноса от нарушения его целостности, дивергенции (рассогласования) его организации и способов жизнедеятельности.

Результаты исследования, в котором участвовали сельские жители-удмурты (всего 400 человек в возрасте от 20 до 60 лет), проживающие на этнической территории Удмуртской Республики, с помощью специальной методики позволили выявить различные формы этнической идентичности их носителей (см.: Хотинец, 2000). Так, позитивная этническая идентичность доминирует у коренных жителей, населяющих в основном северные районы республики, в которых удмурты представлены в большинстве, и осуществляющих контакты в основном с русским народом. Для удмуртов, расселенных на территории со смешанной этнической структурой, в большей степени характерна гиперпозитивная этническая идентичность, которая доминирует у тех, кто проживает в южных районах Удмуртии, граничащих с Татарстаном и Башкортостаном. При этом негативная форма проявляется в основном у жителей центральных районов этнической территории, в которых больше всего сконцентрировано городов с русскоязычным населением. Необходимо отметить, что процентные значения выраженности каждой из рассмотренных форм этнической идентичности у всей генеральной выборки имеют различную количественную представленность (соответственно 74 %, 20 % и 6 %), близкую данным исследования релевантных групп, образо-

ванных с учетом статусно-регионального и демографического аспектов.

Особенности этнокультурного развития удмуртского народа сформировались в результате разнообразных форм культурного опосредствования. Этнографы отмечают, что еще в I тыс. н. э. южная группа древних удмуртов оказалась под влиянием Волжской Булгарии, а через нее – надолго включенной в сферу интересов и интенсивного этнокультурного воздействия со стороны тюркского мира (см.: Владыкин, 1993, с. 35 – 40). Северные же удмурты как географически, так и исторически более тяготели к Русскому Северу, через который осуществлялась связь с западным культурным ареалом. В XV веке они присоединились к Московскому государству, а удмурты южных районов в это время находились под могучим влиянием Казанского ханства (Золотой Орды). После того как в середине XVI века Казань пала и покорилась Москве, южные удмурты вошли в состав Русского государства.

В силу сложившихся исторических условий коренное население северных районов Удмуртии контактировало в основном с русскими. Отношения этих народов имеют длительную историю, что явилось условием формирования устойчивых традиций взаимоотношений и взаимодействия между ними. На юге Удмуртии значительную долю населения, превышающую почти в два раза общереспубликанскую, составляют татары. По утверждению удмуртского ученого-этнографа Г. К. Шкляева, исторически складывалось так, что отношения между удмуртами и татарами всегда были специфичными, что отмечается и в современных условиях (см.: Шкляев, 1993, с. 354 – 369). В южных районах Удмуртии традиции эндогамных браков до сих пор устойчивы, при этом незначительная доля смешанных браков в основном заключается преимущественно с русскими. Что касается центральной части Удмуртии, то отмечается, что многие поселения, в том числе и города, вошли в состав Удмуртской автономии значительно позже ее образования – в конце 30-х гг. XX столетия. В этой местности насчитывается незначительная доля удмуртов, в основном контактирующих с русскими и, по их же утверждению, не имеющих личного опыта общения со «своими» соплеменниками.

По последним данным, более чем 2/3 удмуртского сельского населения проживает в населенных пунктах, в которых доля удмуртов составляет более 80 %, и лишь 2 % живет в селениях, где преобладают другие народы. В последнее десятилетие XX века наблюдалась интенсивная миграция русских из дальних сельских районов, по демографическому показателю ставших моноэтническими.

По результатам исследования позитивная этническая идентичность по типу «норма» выявлена у лиц среднего возраста (от 30 до 50 лет). Многие из них имеют среднее специальное или высшее образование, трудятся в государственных организациях, имеют доступ к современным технологическим средствам в трудовой деятельности, выполняют руководящую работу. Эти люди позитивно относятся к межэтническим контактам, активно вступают во взаимодействие с другими народами во всех сферах жизнедеятельности, спокойно относятся к брачному партнерству и дружеским отношениям с представителями иноэтнических групп. Искренне проявляя чувство национального достоинства, большинство конструктивно стремится в определенной степени повлиять, используя свои возможности, на ход экономических, политических и других социальных процессов на их этнической территории.

Основную долю всех опрошенных с гиперпозитивной этнической идентичностью поделили между собой сельские жители до 40 лет (36 %) и старше 50 лет (48 %). Молодые люди чувствительно относятся ко всем социально-экономическим, этнополитическим процессам, происходящим как в республике, так и во всей стране, в последние десятилетия XX века. Они активно реагируют на социальные проблемы, стремятся приложить собственные усилия к разрешению тех, которые непосредственно их касаются. Высокая потребность в этнической консолидации побуждает молодых людей объединяться в группы по этническому признаку, демонстративно отстаивать свои позиции. Старшее же поколение претенциозно относится к национальным проблемам; историческое прошлое, сложившиеся традиции и нормы поведения оказывают непосредственное влияние на их сознание. Среди лиц старше 50 лет есть очень активные люди, которые

действительно желают своему народу улучшения жизни, сохранения и развития культурных ценностей, призывая к активным действиям для достижения поставленных целей. Но есть и такие, которые отстаивают интересы народа в угоду собственным, отличаясь этнической интолерантностью, раздражительностью в общении с представителями иных национальностей. Они абсолютно убеждены в том, что «свой» народ по сравнению с другими претендует на большее, чем имеет.

Негативная этническая идентичность обнаружена преимущественно у молодых людей до 30 лет. Нерешенность многих социальных, экономических, технологических проблем, неудовлетворенность условиями жизни и деятельности в сельском регионе и отсюда ограниченность, узость возможностей реализации собственного потенциала, отсутствие стабильности в жизни, перспективы будущего обуславливают индифферентность или негативизм ко всему тому, что происходит рядом с ними. У сельской молодежи отсутствует возможность поменять место жительства, например уехать в город, по причине трудности адаптации к условиям урбанизированной культуры. К сожалению, общество, осознавая, что молодые люди проявляют неудовольствие и испытывают дискомфорт, не может предложить им конкретные способы изменения их жизнедеятельности. А ведь известно, что только посредством «своей», привычной субкультуры общество может способствовать успешной идентификации молодых людей с тем, чем они могут и должны стать. Молодежь, которая стремится иметь доступ к господствующей технологии, но лишена его, согласно Э. Эриксону (см.: 1996б, с. 323), чувствует себя обделенной и отчужденной от общества.

Не без интереса отмечаем, что полученные данные в той или иной степени совпадают с результатами подобных исследований Г. У. Солдатовой в Республике Саха (Якутии), Северной Осетии (Алании), Татарстане (см.: 1996, с. 339 – 340).

2.2. СУЩНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Структура. Придерживаясь позиции Дж. Тернера, согласно которой иерархически классифицированная система *Я*-концепции имеет уровневое строение, этническую идентичность мы будем рассматривать в ее структуре на уровне ингрупповой - аутгрупповой категоризации на основании абстрагирования по набору специфических этнокультурных категорий. Если социальная идентичность реализуется в пространстве взаимоотношений *Я* с *Другим* и определяет человека в конкретных социальных категориях, то этническая идентичность начинает свое становление в межгрупповом континууме — в системе отношений *Мы* и *Они* и распределяет социальные категории по специфическим этнокультурным значениям. Можно сказать, что она основывается на соотношении отличительных особенностей между людьми, объединившимися в группы. Самокатегоризация по принципу соотношения *Мы* и *Они* есть необходимое условие существования и функционирования большой этносоциальной системы, которая задает требуемую форму своим элементам, образуя из множества связанных друг с другом организованные совокупности (см.: Сушков, 1999, с. 257).

Всеобъемлющее *Мы*, согласно С. Л. Франку, есть «необходимое и имманентное выражение глубочайшего онтологического всеединства» (Франк, 1992, с. 53). О сущностном *Мы* как целевой заданности высказывался М. Бубер (см.: 1999, с. 206—210). Осуществление истинных взаимоотношений между *Я*, включенном в *Мы*, и *Других*, составляющих *Они*, по С. Л. Франку и М. Буберу, возможно лишь посредством *Ты/Вы*.

Общность, как отмечает М. Бубер, — это не просто причинная связь *Мы* и *Они*, это связанность последних, осуществляемая *Вы*. Общность есть не пребывание друг подле друга множества людей, а их бытие друг у друга. Если даже они все вместе идут к одной цели, они повсюду ощущают движение друг к другу, динамическую направленность друг к другу, волны, идущие от каждого *Я* в *Мы* к каждому *Ты* в *Вы*. Общность есть там, где она совершается, где есть стремление личности испытать общность, посвятить себя общности, уст-

ремление ищущей выражения самости жизненной диалогичности в сердце мира. Мир отношений между людьми разворачивается через открытый диалог, когда каждый ощущает и постигает общее событие. Лишь тот, кто имеет в виду действительно другого человека и отдается ему, обретает мир. Там, где каждый для другого есть *Я* и *Ты*, одна общность для другой — *Мы* и *Вы*, инакость *Других* принимается во всей своей экзистенции (см.: Бубер, 1999, с. 153–154).

Отталкиваясь от этих рассуждений, структуру этнической категоризации можно представить следующим образом (рис. 3).

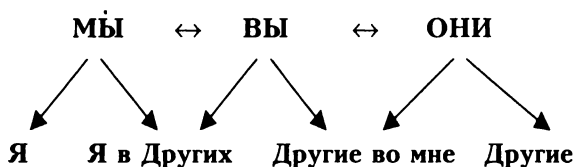

Рис. 3. Структура этнической категоризации (Сушков, 1999, с. 258)

Как следует из этой структуры, *Мы* есть *Я+Я в Других*, *Они* есть *Другие* (Не *Я*) + *Другие во мне* (Не-*Я*). Для разрешения внутренних противоречий между *Мы* и *Они* необходимо их единение в категорию *Вы*, где *Вы* становится *Другие во мне* + *Я в Других*. Здесь *Вы*, по М. М. Бахтину (см.: 1997, с. 358), не есть слияние с *Другим*, а сохранение своей позиции *вненаходимости и связанного с ней избытка* видения и понимания. Важнейшим моментом этого избытка являются *любовь, признание, прощение, наконец, просто активное (не дублирующее) понимание, услышанность других*. Это открытый и честный избыток, выражаемый реальным обращенным словом, в диалоге раскрывается другим.

По утверждению И. Р. Сушкова, основой данной структуры является пересекающаяся категоризация *Вы*, в которой снимаются взаимоуничтожающие или изолирующие тенденции строгой дихотомии (см.: Сушков, 1999, с. 258–259). В противном случае остается непонятным, как наше общество сохраняется при таких антагонистических, сильно поляризованных межгрупповых отношениях.

Очевидно, что дихотомическая категоризация с позиций И. Р. Сушкова, построенная по принципу «или/или» (дифференциации), усиливает *Мы*-идентичность, тем самым сохраняя этническую группу. Для нее не важны различия между другими. Для нее значимо, что эти другие существуют, что с ними необходимо сохранять определенную дистанцию в случае угрозы, исходящей от них. Больше всего акцентируется внимание на сходстве «других друг с другом и одновременно как можно большем отличии своей группы от других» (Сушков, 1999, с. 260). Ссылаясь на М. Хогга и Дж. Тернера (Hogg, Turner, 1987), И. Р. Сушков поясняет, что поляризация не требует отчетливой внешней группы.

Как только группы категоризуются на более высоком уровне объемлющего их *Мы*, возникает пересеченная категоризация, связанная с их оптимальным функционированием в границах системы и являющаяся, в свою очередь, необходимым условием развития последней. Между группами возникают определенные социально-психологические отношения. А внутрикатегорийное подобие, продолжает И. Р. Сушков, соглашаясь с Дж. Дешамсом (Deschamps, 1984), становится важнее межкатегорийных различий. Было выявлено, что эффект пересеченной категоризации ограничивается только характеристиками, прямо связанными со спецификой реальной ситуации. По мнению И. Р. Сушкова, эта особенность косвенно подтверждает то, что пересеченная категоризация, построенная по принципу «и/или» (интеграции и дифференциации), связана с функциональными потребностями системы, т. е. со спецификой группы и способствует актуализации того измерения, межгрупповые отношения по которому необходимы в соответствии с ситуацией и тенденциями развития системы. Одновременно происходящие интегративные и дифференциальные процессы обеспечивают богатство связи с другими группами, которые могут существовать, по М. Буберу, лишь в условиях диалога — аутентичных, неотчужденных взаимоотношений.

Размышления над вышеизложенным позволяют предположить, что пересекающаяся категория *Вы* во взаимоотношениях между *Мы* и *Они* онтологически заключает в себе *толерантность*. Толерантность в подлинном ее понимании, а имен-

но как снисходительность, поддержка, выносливость, выдержка, переносимость в аутентичных отношениях. Обратите внимание, в *Вы* имманентно воплощены *переносимость (меня), принятие (меня — Я в Других) и поддержка мною Других (Другие во мне)*. Вспомним М. М. Бахтина: *Вы* есть вненаходимость *Мы* с избытком видения и понимания *Они*. Этот избыток и есть *толерантность* во всех своих проявлениях (признание, прощение, понимание, услышанность).

В завершение следует отметить, что *толерантное Вы* есть *modus vivendi* как способ совместного оптимального существования и жизнедеятельности *Мы* и *Они* в глобальном этносоциальном континууме.

Модель. С учетом рассмотренной структуры этнической категоризации можно рассматривать линейную биполярную модель этнической идентичности: *Мы* ↔ *Они*. Градиент в сторону *Мы* усиливает позитивную этническую идентичность, и наоборот, направленность в сторону *Они* приводит к идентификации с другой этнической группой (измененная или ложная идентичность). Как указывает Т. Г. Стефаненко, в реальности люди имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических групп (см.: Стефаненко, 1999, с. 229). Индивид может одновременно идентифицировать себя и с двумя релевантными группами. Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в полиэтническом обществе. У них «национальность для себя» может обозначаться не одним словом, а описательно, например, «ближе к русской национальности», «скорее, между русскими и украинцами».

С учетом указанного выше этническую идентичность предлагается рассматривать в двухмерном пространстве, названном моделью двух измерений этнической идентичности (см.: Veerry et al., 1992; Стефаненко, 1999, с. 230). Данная модель (рис. 4) включает четыре типа этнической идентичности, в которых учитывается возможность идентичности как с одной, так и одновременно с двумя этническими группами. С одной стороны, направленность в сторону *Мы* по оси ординат определяет высокий уровень идентификации со своей этнической группой, с другой — направленность в сторону *Они* по оси

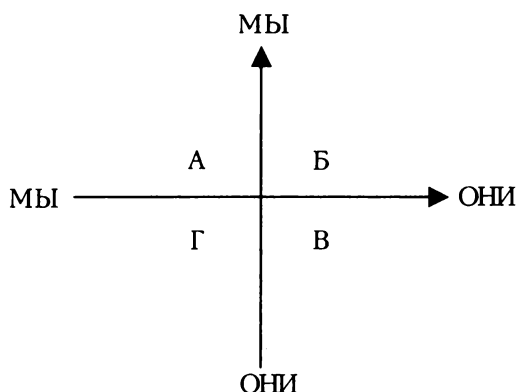

Рис. 4. Модель двух измерений этнической идентичности:

А — моноэтническая идентичность со своей этнической группой;
 Б — биэтническая идентичность; В — моноэтническая идентичность с
 чужой этнической группой; Г — маргинальная этническая идентичность

абсцисс свидетельствует о высоком уровне идентификации с чужой этнической группой.

Результаты многочисленных исследований показывают, что для большинства индивидов характерна *моноэтническая идентичность*, совпадающая с официальной этнопринадлежностью. Как и другие варианты идентичности, она проявляется в многочисленных уровнях интенсивности. При благоприятных социально-исторических условиях позитивная этническая идентичность сопровождается патриотизмом, гордостью за достижения своего народа и его великих представителей, адекватно высокой самооценкой, чувством собственного достоинства и т. п. (см.: Стефаненко, 1999, с. 230).

Так, результаты исследования с использованием методик диагностики межличностных отношений Т. Лири, анализа поведения в конфликтной ситуации К. Н. Томаса, этнопсихологического опросника Л. М. Дробижевой, Г. В. Старовойтовой, В. В. Пименова показали, что для студентов-удмуртов с позитивной этнической идентичностью характерны сотрудничающий-конвенциональный тип межэтнических отношений, направленность контакта с аутгруппой, выраженная сотрудничеством и компромиссом (см.: Хотинец, 2000). Данные осо-

бенности характерны для индивидов, стремящихся к оптимизации совместной деятельности и взаимоотношений с аут-группой, к дружескому общению с ее представителями.

Они свободно владеют как родным, так и русским языком, и общаются на этих языках одинаково часто. При этом указывают на необходимость общаться с представителями других народов на доступном для них языке для того, чтобы понимать друг друга. Главным при определении национальности для 95 % опрошенных в группе является родовая принадлежность: национальность отца или матери. Предпочли бы в браке человека своей национальности 41 % из них; 32 % считают, что национальность в браке не имеет значения, если муж (жена) соблюдают обычаи их народа. Для 89 % представителей этой группы не имеет значения национальная принадлежность в межличностных отношениях и взаимодействиях, что позволяет говорить об адаптированности межэтнических взаимоотношений. К этноинтегрирующим признакам они относят прежде всего самобытную национальную культуру, традиции, родной язык и этническую психологию, сближающие их народ. Входящие в эту группу лица предпочитают отмечать наиболее значительные события в семье с элементами национального обряда (43 %) или же по национальному старинному обряду (38 %).

При составлении набора черт национального и русского характера доли привлекательных (53 % и 49 %) и нежелательных (50 % и 51 % соответственно) характеристик при наименьшей представленности последних оказались приблизительно одинаковы. Общая семантическая зона выражена двумя общими позитивными качествами (дружелюбие и гостеприимство), что уже позволяет говорить о наличии позитивных конформных установок в межэтнических взаимодействиях. К тому же это подтверждается тем, что 36 % опрошенных среди жизненных ценностей указали на «уважение окружающих».

Как показывают результаты зарубежных и отечественных исследований, уверенность в своей позитивной этнической идентичности является основанием для уважения других групп и выражения готовности обмена знаниями, установками и для участия в совместной деятельности (см.: Bergu, Pleasants, 1984;

Ценности и символы..., 1994; Дробижева и др., 1996; Лебедева, 1993, 1997а, 1997б, 1998).

Если в моноэтнической идентичности доминирует оценочный компонент с сознательным преувеличением оценки своей этнической группы, то она трансформируется в *этническую гиперидентичность*. Результаты многих исследований свидетельствуют, что этническая гиперидентичность сопровождается этноцентристскими стереотипами, предубеждениями по отношению к представителям других этнических групп, уклонением от тесного взаимодействия с ними и нетерпимостью в межатническом взаимодействии (см.: Стефаненко, 1999, с. 231).

Так, студенты-удмурты, отличающиеся гиперидентичностью, характеризуются «недоверчивым-скептическим» типом аутгрупповых отношений, соперничеством, избеганием контактов с другими группами (см.: Хотинец, 2000). Выявленные особенности позволяют приписывать этим лицам замкнутость, недоверчивость, подозрительность, говорить о наличии у них определенных трудностей в налаживании контактов с представителями аутгруппы, выраженной повышенной напряженности и нарастающей отгороженности.

Студенты данной группы свободно владеют родным языком и стремятся общаться только на нем, охотно читают национальную литературу, любят слушать народную музыку, предпочитают средства массовой коммуникации на удмуртском языке. Наряду с культурными традициями, обычаями и этнопсихологическими особенностями язык для них является главным при определении национальности человека, одним из основных различий этнических групп, а также интегрирующим фактором для своего народа. Для испытуемых указанной группы предпочтительнее учиться и поддерживать дружеские отношения только с представителями своего народа (52 %). В свою очередь 28 % из них утверждают, что им все равно, с кем учиться, но поддерживать отношения они стремятся только со «своими». Лишь 20 % отметили, что учиться и поддерживать дружеские отношения все равно с кем по национальности. Заключить брак с человеком только своей национальности желали бы 60 % представителей данной группы. Таким образом, у 80 % испытуемых аффилиативные от-

ношения (психологически созвучные) строятся по этническому признаку, и только у половины (48 %) из них в межличностных взаимодействиях (деятельности) последний не играет роли. Жизненные принципы разделились на самореализацию личной жизни (иметь хорошую семью; 78 %) и профессиональную деятельность (иметь хорошую, интересную работу; 67 %).

В общем списке особенностей национального характера доминируют (65 %) аттрактантные (привлекательные) черты, среди них наиболее часто встречающиеся – скромность, трудолюбие, гостеприимство, терпение и др. «Типичному русскому» же в суммарном наборе характеристик приписывается 68 % дезадаптивных свойств национального характера, таких как высокомерие, излишняя раскованность, бесцеремонность, заносчивость, бестактность и др. Общая семантическая зона (совпадение черт) не обнаружена, что отражает широкую субъективную психологическую дистанцию с русскими.

Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой (измененная этническая идентичность) с различной степенью интенсивности проявления возможна в случаях, когда в полиэтническом обществе другая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и т. д. статус, чем своя. Конечным результатом идентификации с другой группой может быть полная ассимиляция, т. е. принятие ее традиций, ценностей, норм, языка и т. п. вплоть до полного растворения в ней (см.: Стефаненко, 1999, с. 231).

Студенты-удмурты, принадлежащие к данной группе, отличаются «зависимым-послушным» типом межэтнических отношений, приспособляемостью в контактах с аутгруппой. Им свойственна высокая тревожность, повышенная чувствительность к средовым воздействиям. К тому же обнаружена тенденция к выраженной зависимости мотивационной направленности от складывающихся со значимыми другими отношений (см.: Хотинец, 2000).

Представители указанной группы предпочитают говорить на русском языке; их раздражает, когда в многонациональном коллективе говорят на своем языке. Литературу на удмуртском языке они читают только лишь в связи с необходимостью ее изучения в вузе, мало интересуются национальным

искусством и народной музыкой, преимущественно читают русскоязычные журналы и газеты. Главным для них при определении национальности является собственное желание (79 %). Подавляющее большинство (92 %) представителей данной группы отмечают, что национальность в браке не имеет значения; учиться и поддерживать дружеские отношения для них все равно с кем по национальности. На вопрос, как бы опрашиваемый предпочел одеться на собственной свадьбе, 83 % указали на современный костюм без элементов национального наряда. Структура самосознания этих студентов отличается отсутствием этнических ценностей, его этнические составляющие лишены значимости.

Доля положительных характеристик удмуртского народа из всех перечисленных студентами-удмуртами с измененной этнической идентичностью составила 29 % (скромность, терпение, доброжелательность и др.), тогда как доля положительных характеристик русских достигла 71 % (общительность, открытость, раскованность, смелость, доброжелательность и др.). Доля отрицательных качеств удмуртов (застенчивость, скрытность, скованность и др.) оказалась равна 61 %, при этом доля негативных качеств русских составила лишь 39% (излишняя раскованность и открытость, гордость и др.) из всей совокупности представленных характеристик. При анализе часто встречающихся качеств обнаружены совпадения, во-первых, семантической структуры по одному качеству (доброжелательность у удмуртов и русских), во-вторых — эмоциональной структуры при отнесении таких свойств, как раскованность и открытость «типичного русского», в ранг как отрицательных, так и положительных характеристик. Амбивалентность эмоционально-оценочного компонента гетеростереотипа русского народа, с одной стороны, еще раз подтверждает декларацию о противоречивости русского характера, а с другой — говорит о принятии и понимании «своих» русских. Превалирование отрицательных качеств ингруппы и положительных аутгруппы может служить свидетельством высокого показателя близости представителей этой группы с русскими, с одной стороны, и психологической дистанции со своим народом — с другой. При этом общность компонента «доброжелательность» в семантической зоне говорит о наличии конъ-

юнктивных тенденций во взаимоотношениях этой группы студентов с представителями русского народа.

Идентификация как с одной, так и с другой группами приводит к формированию *биэтнической идентичности*. Характерные представители данной группы — гайнинские татары и башкиры. Проблема происхождения и формирования двух тюркских народов Пермского Прикамья до сих пор не нашла своего объяснения. По этому поводу этнологами выдвигается ряд различных гипотез, и до сегодняшнего времени не находящихся ответа. Дело в том, что в происхождении этих народов рассматриваются три этнических составляющих: тюрко-угорская, поволжско-татарская и ногайско-кыпчакская (см.: Исхаков, 1993). Но этот этнический симбиоз не решает вопроса, к какому же конкретному этносу относится эта самобытная этническая общность.

С начала XVI века гайнинцев в официальных документах фиксировали как башкир. Этнические корни гайнинских башкир уходят в глубину истории V — XIII веков, когда на стыке расселения волжских булгар и западных башкирских племен могли возникнуть новые этнические группы. Возможно, одну из таких групп представляли гайнинские башкиры. По их преданиям, предки гайнинцев свою родину «в Булгарской области» покинули в конце XII века и «поселились в Уральских горах... по всем местам» (Попов, 1813, с. 1 — 2). Топонимические памятники указывают, что часть гайнинцев разместилась в бассейне рек Дема и Уршак, где основались деревни Гайна, Малая Гайна, Туныкай-Гайна, Гайна-Ямак при реке под названием Гайна (см.: Кузеев, 1974).

Точка зрения других авторов отражает многовековой процесс формирования этнической группы Пермского Прикамья под этнонимом «пермские татары» (см.: Ислаев, 1995). Происхождение этих татар большинство исследователей связывает с казанскими татарами, считая, что они появились в крае уже после покорения Казани Русским государством.

Заметное место в этногенезе народов Пермского Прикамья занимает еще один народ — мещеряки, «находящиеся между татарами и башкирами, суть потомки вышедших из Крыма и поселившихся в Шагер Булгар в 1481 году» (Зеленин, 1904, с. 26). Мещеряков сближает с башкирами язык,

«который весьма немногими словами отлично произносимыми разнится от башкирского» (Рыбаков, 1895, с. 280), культура и быт. «Как и башкирцы они имеют народные училища, в которых юношество обучают муллы читать, писать и петь. Закон исповедуют так же магометанский, почему во всех духовных обрядах совершенно сходятся с башкирцами» (там же).

В исследованиях этнологов начала XIX века утверждается, что осинская группа татар издавна была близка к башкирам, от которых и заимствовала немало бытовых особенностей. Многие стали называть себя башкирскими татарами. Указывается, что у этих групп было достаточно много общего в языке — «говорят своим языком, который сходствует с татарским, что почти невозможно сказать, чтоб оныя были два особливый языка» (Попов, 1813, с. 33) — и образе жизни, и это общее оставалось близким к традициям осинских (тулвинских) башкир.

Современные этнологи, изучавшие тюркоязычное население, отмечают, что феномен культурного полиморфизма и этнического симбиоза Пермского Прикамья не позволяет четко определить этнические границы, образуемые на основе отличительных характеристик этнических групп (см.: Чагин, 1995). По данным переписи 1989 г., в Пермской области проживает более 220 тыс. башкир и татар, из них 52 326 башкир, 90 % из которых расселены в Бардымском районе (см.: Кулбахтин, 1996). Дискуссионной остается проблема этнонима народов, проживающих на данной этнической территории. Сложившаяся «этническая процессуальность» (Тишков, 1997) принуждает многих исследователей в этнографических работах изучать этнокультурные традиции народов совместно (Пермские татары, 1983; Исхаков, 1993; Чагин, 1995).

Отмечается, что в южных районах Пермской области, в том числе и в Бардымском, часть башкир считает себя особым народом — гайнинскими татаро-башкирами, отличным от татар и башкир, но имеющим что-то общее с ними. Другая же часть башкир не отделяет себя от татар, идентифицирует себя с татарским народом, определяет себя представителями татарского этноса, не считаясь с официальными документами, по которым они являются башкирами. По мнению исследователей, такое положение обусловлено несколькими обстоятель-

ствами: постоянными длительными контактами башкир и татар, общностью татарского языка, единой природной средой обитания, пребыванием в одной административной единице (Осинская дорога, Осинская слобода), а также, возможно, общностью какого-то древнего предка — этноса (см.: Чагин, 1995, с. 92). Значит, этническая составляющая народа, проживающего в Бардымском районе Пермской области, — результат сложных этнотрансформационных процессов, а именно, в определенной степени, симбиогенеза башкирской и татарской этничности.

Индивид, колеблющийся между двумя культурами и при этом не принимающий ценности ни одной из них, обладает *маргинальной этнической идентичностью*. Чаще всего его называют маргинальной личностью (см.: Vochneg, 1982). Он никогда не сможет совершенно порвать (даже если ему будет дана такая возможность) со своим прошлым и его традициями и никогда не будет принят в новое общество, в котором он пытается найти для себя место. В исследовании Е. И. Шлягиной и Э. У. Данзаевой (1997) отмечается, что для маргинальной личности характерны заниженная самооценка, тревожность по поводу своего будущего, раздражительность, повышенная утомляемость, тенденция полагаться больше на судьбу, чем на себя и делать что-то самому в ситуации фрустрации. Исследователями было высказано предположение, что маргиналы составляют неустойчивую и непредсказуемую группу в этносоциальной структуре общества и являются собой потенциальный источник агрессии и жесткости в межэтническом взаимодействии.

По утверждению Т. Г. Стефаненко (1999, с. 232), в полиэтническом обществе наиболее благоприятна для человека биэтническая идентичность. Она позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной. Или же слабая, четко не выраженная этническая идентичность, а может быть — даже ее полное отсутствие, по крайней мере, на осознаваемом уровне. В качестве стратегии сохранения личностного благополучия она проявляется в отрицании «значимости этнического фактора и этнической принадлежности как в своей жизни, так и в обществе в целом» (Шлягина, Данзаева,

1997, с. 352). Подобная стратегия позволяет членам групп меньшинств сохранить позитивную идентичность, исключив из нее вызывающую беспокойство этническую идентичность. Во-первых, она может проявляться в предпочтении личностной идентичности этнической и социальной в целом, в осознании себя прежде всего уникальной личностью, а не членом группы. Во-вторых, возможна переструктуризация социальной идентичности с вытеснением из нее этнической идентичности.

Чтобы уйти от переживаний, связанных с принадлежностью к этнической группе, индивид, по мнению Т. Г. Стефаненко, может опираться на *гражданскую идентичность*. Или причислять себя к широким наднациональным общностям — европейцам, азиатам, гражданам мира, т. е. декларировать *космополитическую идентичность* (см.: Стефаненко, 1999, с. 234).

И здесь же Т. Г. Стефаненко указывает, что вытеснение из структуры социальной идентичности одной из ее важнейших составных частей — этнической идентичности — грозит, с одной стороны, потерей целостности Я-образа, а с другой — потерей связей с какой бы то ни было культурой (см.: там же). Утрата этнической идентичности может привести к негативным последствиям для идентичности человека в целом.

Возникают вопросы: как все-таки проявляет себя психическое человека при осознании им себя субъектом этнической общности и какой тип этнической идентичности благоприятен для него? Вернемся к иллюстрации материала на примере тюркоязычного населения Бардымского района. Перед большинством гайнинских башкир по сей день стоит вопрос: «Кто мы?», до сих пор они этнически не определились («я башкир или все-таки татарин?»). Этническая составляющая, заявляющая о себе достаточно определенно и ясно, граничит с вопросом: «Кто Я — Человек?». Известно, что психологический дискомфорт, глубокий внутренний когнитивный диссонанс может иметь серьезные последствия!

Результаты исследования показали, что адаптивными вариантами поведения с признаками гармоничности и соответствия норме отличаются индивиды с позитивной моноэтнической идентичностью, т. е. с притязанием на принадлежность к «своему» народу (см.: Хотинец, 2000). Склонность к дизъ-

юнктивным проявлениям, неконформные тенденции в поведении, трудности в налаживании контактов с окружающими, эмоциональный дискомфорт, не способствующие успешной адаптации личности в этнокультурной среде, и при этом явно выраженная аффилиативная потребность, стремление к взаимодействию в группе характерны для индивидов с биэтнической идентичностью. Вероятно, выявленные этнопсихологические особенности с определенной дезинтеграцией индивидуально-психологических свойств индивидов с биэтнической идентичностью обусловлены порожденным этнокультурным симбиозом, инверсией процесса интериоризации этнических значений, рассогласованностью интериоризированных этнических значений и их идентификационных параметров в сознании (см.: Сухарев, 1998). Полученные результаты позволяют говорить, во-первых, о соотношении этнокультурных и этнопсихологических паттернов человеческой общности, во-вторых — о согласовании свойств этнической идентичности и этнической индивидуальности человека.

Детерминация. Причины и движущие силы становления и развития этнической идентичности находятся в этнокультурном мире. К базовому процессу развития этнической идентичности относятся *многообразные формы культурного опосредствования* (по Л. С. Выготскому). Основные процессы развития и становления этнической идентичности имеют *ценностно-рациональную* детерминацию (по М. Веберу). «Ценностно-рациональное» определяется базовыми убеждениями этнических субъектов в том, что групповые цели и определенные способы поведения в этнокультурном мире являются предпочтительными, т. е. представляют собой культурную ценность (см.: Rockeach, 1973). Согласно М. М. Бахтину, «культурные ценности суть самооценности, и живому сознанию должно приспособиться к ним, утвердить их для себя, потому что, в конечном счете, создание и есть познание. Поскольку человек творит ценности, тем самым он действительно признает их, и этим восстанавливается единство мотива и цели, действительного свершения и его содержательного смысла. Этим путем живое сознание становится культурным, а культурное воплощается в живом» (Бахтин, 1986, с. 108).

Культурно-историческая психология Л. С. Выготского, по утверждению Б. Д. Эльконина, провозглашает объективное существование первичных форм аффективно-смысловых образований человеческого сознания вне индивида в виде артефактов человеческой культуры (см.: Эльконин, 1994, с. 477). Они «существуют раньше, чем индивидуальные образования» (Эльконин, 1989, с. 477 — 478), т. е. до и вне развивающегося индивида и представляют собой идеальную форму, которая станет реальной лишь при усвоении ее индивидом в процессе культурного социогенеза психики, поведения и сознания (см.: Эльконин, 1989; 1994; Выготский, 1996; Зинченко, 1996).

Как отмечает В. П. Зинченко, аффективно-смысловые образования, объективированные в идеальной форме (культуре), не утрачивают своей субъективности. Они имеют надиндивидное объект-субъектное существование. В свою очередь, реальная, индивидуальная форма аффективно-смысловых образований не менее объективна, она не есть нечто внутреннее индивида, она находится в субъект-объектном пространстве между Я и Миром (см.: Зинченко, 1996, с. 22).

Культура — идеальная форма — открыта для человека с момента его рождения. В свою очередь сам человек решает, войти ли в нее, принять или отвергнуть, обращаясь к другой культуре. В случае принятия субъект овладевает идеальной формой, присваивая ее себе. Вот только тогда она становится его собственной субъективной реальной формой. Идеальная форма имеет своих вполне реальных носителей, являющихся посредниками-медиаторами развития реальной формы, будь то знак, слово, значение, символ, миф, жест, движение, ритуал и др. К ним можно отнести и *этнокультурные признаки*, воплощающие в себе значение как обобщенное отражение действительности, зафиксированное в сознании в форме знаний (А. Н. Леонтьев) о способах организации и развития жизнедеятельности народа. В результате индивид обретает свою культуру: культуру поведения (потребности, аффекты, общение, действия), духовную культуру (культуру мысли, культуру слова) (см.: Шкуратов, 1997).

Не все медиаторы могут быть искусственными, главным из них, по С. Л. Выготскому, может являться человек — непосредственный носитель бытийных смыслов и остальных меди-

аторов. Другой человек — посредник между Я и Миром — это *Ты/Вы*, воплощающий в себе единство аффективно-смысловых образований идеально-культурной и реально-психической форм.

Мир культуры, пишет М. М. Бахтин в своей работе «К философии поступка», предложит человеку как «готовое» отвлеченно-смысловое целое, существующее, «как если бы меня не было». Для приобщения к нему необходимо, чтобы человек самостоятельно осуществил свободный и ответственный поступок (см.: Бахтин, 1986, с. 88). Возможностью человека осознанно определять себя в этнических категориях: идентифицировать себя со своей этнической группой, а в случае неблагоприятного оценивания относительно своей группы выбрать стратегию индивидуальной мобильности, которая включает попытку сменить этническую идентичность, — объясняется ее рациональность. Как уже говорилось, складываются жизненные ситуации, вынуждающие человека приобщаться к другой культуре. Кроме того, сложные этнотрансформационные процессы в обществе предопределяют функционирование различных подсистем или элементов иноэтнической культуры. В другом варианте изменение идентичности обусловлено сменой значимости определенных этнокультурных элементов в процессе этногенеза общности. Падение роли традиций и обрядов, а в худшем случае и исчезновение их из быта могут привести к утрате их ценности и тем самым определить направленность человека на другую доминантную культуру.

В плане изучения ценностно-рациональной детерминации этнической идентичности рассмотрим одно из исследований, задачей которого являлось изучение групповых культурных ценностей, ставших внутренними регуляторами поведения человека в ходе инкультурации. Молодые люди коми-пермяцкой национальности работали с методикой «Культурно-ценностный дифференциал» Г. У. Солдатовой (1998). Данная методика измеряет в пределах психологической универсалии «индивидуализм — коллективизм» групповые ценностные ориентации в четырех сферах жизненной активности: ориентации на группу, ориентации на власть, ориентации друг на друга и ориентации на изменения. Она состоит из 12 биполярных ценностей-качеств, отражающих четыре типа ориен-

таций. Каждое качество (полюс) оценивается отдельно по четырехбалльной шкале: от отсутствия качества до полной его выраженности.

По результатам исследования выделились наиболее значимые культурные ценности коми-пермяцкой группы (табл. 1).

Таблица 1

Ценности-качества коми-пермяцкой группы

Ценности-качества	Степень выраженности, %
Взаимовыручка	74,30
Сердечность	67,83
Уважение власти	67,83
Миролюбие	67,50
Верность традициям	65,50
Самостоятельность	59,50
Открытость	59,17
Устремленность в будущее	58,50
Уступчивость	58,17
Дисциплинированность	56,17
Законопослушность	54,17
Осторожность	54,50
Подчиненность	52,17
Склонность к риску	50,80

Анализ данных табл. 1 показал, что у представителей коми-пермяцкой выборки сфера групповой активности выражена такими ценностями внутригрупповой поддержки, как взаимовыручка (74,30 %), верность традициям (65,50 %), подчиненность (52,17 %). Сфера межличностных взаимоотношений представлена ценностями направленности на взаимодействие: сердечностью (67,83 %), миролюбием (67,50 %), уступчивостью (58,17 %). Как видно, данные качества-ценности имеют коллективистскую направленность с конформными поведенческими паттернами. Культурные ценности по шкале «ори-

ентация на изменения» представлены ценностями открытости культуры (59,17 %), устремленности в будущее (58,50 %), при этом осторожности (54,50 %) с некоторой степенью риска (50,80 %). Ценности по шкале «ориентация на власть» включили в себя ценности подчинения запретительным и регулирующим стандартам общества: уважение к власти (67,83 %), дисциплинированность (56,17 %), законопослушность (54,17 %).

Выраженность ценностей «открытость культуры» и «ориентация на будущее» коми-пермяков, с одной стороны, можно объяснить доступностью культуры, обеспечивающей формирование совокупности социально значимых ценностных ориентаций, убеждений, интересов, целей. Очевидно, что это способствует успешному развитию этнокультурной идентичности у представителей данного народа. Кроме того, этот факт может свидетельствовать о функциональном назначении коми-пермяцкой культуры, точнее, о том, что этническая культура выполняет надлежащие ей функции, тем самым обеспечивая себя экзистенциальными перспективами. Устремленность в будущее молодых людей — это оптимизм в отношении завтрашнего дня, который всегда характеризовал прогрессивную молодежь. К тому же «закрытость» культуры нашего государства, долгое время обеспечиваемая советской действительностью, сегодня меняется на противоположный культурный синдром — открытость этнической культуры, необходимую для оптимальной жизнедеятельности в большой многонациональной стране.

Выявленные культурные ценности молодежи коми-пермяцкой национальности: уважение к власти, законопослушность, дисциплинированность, осторожность — представляют другую культурную характеристику под названием «большая дистанция власти», отличающую культуру нашей страны. Молодые люди из таких культур, как указывает Г. Хофстед, в большей степени демонстрируют конформное поведение и придерживаются авторитарных установок; они более исполнительны, обязательны, уступчивы и практичны (см. об этом: Лебедева, 1998, с. 80 — 81).

Как показали результаты исследования, этническая культура, содержащая в себе защитные механизмы этноса, создает

и преобразует как окружающую действительность, так и самих людей с целью успешной их адаптации к условиям этнокультурного мира. В ходе инкультурации она обеспечивает своих представителей необходимыми для оптимального функционирования этноса качествами-ценностями, ставшими основаниями этнической идентичности и тем самым устойчиво закрепляющимися в психологии народа.

Механизм. Как уже говорилось выше, социальная идентичность формируется посредством размещения *Я* в социально признанные категории при взаимоотношении со значимыми другими. Чтобы сформировался интериоризированный образ значимых других, представляющий персонифицированные позиции в социальном пространстве (см.: Качанов, 2000, с. 615), необходим запуск механизма *сравнения Я с Другим*, а именно *Я с Другим во мне, Другого с Я в Другом*.

В структуре этнической категоризации, которая организована на ином уровне абстрагирования категорий, когда признанные этнокультурные категории помещаются в пространство *Я*, запускается другой, в отличие от механизма сравнения, механизм. Вернее всего, механизмом развития и становления этнической идентичности является *соотношение Я с Я в Других, Других с Другими во мне* по ценностям, моделям поведения, оценкам, интересам и др. Здесь, основанный на близости или различии позиций в этнокультурном пространстве, интериоризированный образ *Мы* есть персонифицированные позиции в пространстве этнокультурного мира, а интериоризированный образ *Они* есть транслированные другими позиции *Я*.

На примере одного из эмпирических исследований рассмотрим механизм соотношения, запускающий становление этнической идентичности. Испытуемым коми-пермяцкой национальности была предложена методика «Психосемантический анализ стереотипов этнического характера» (Пибоди и др., 1993). Данная методика используется авторами для изучения межэтнического восприятия по единой системе, состоящей из специального набора из 30 личностных черт, чаще всего используемых в естественном языке. Каждое свойство личности выражается в двух шкалах, которые компенсируют

друг друга, имея противоположное сцепление оценочного и описательного компонентов значения. Например, предпочитаемый полюс на шкале «веселый — угрюмый» лежит слева, а в компенсирующей ее шкале «легкомысленный — серьезный» — справа. Обе шкалы апеллируют к одному свойству личности, но в одном случае один полюс этого качества предстает «социально желательным», адекватным («веселый»), а в другом — противоположным («серьезный»). Такое использование четырехполюсной модели личностной черты позволяет «очистить» результаты субъективных суждений в одном случае — от артефакта социальной желательности, в другом — от дескриптивного фактора (характерологического представления), измерив лишь эмотивный, оценочный компонент. Каждая из биполярных характеристик оценивалась по семибалльной шкале от -3 до 3.

В табл. 2 приводятся усредненные данные оценок двух стимульных объектов: «Я» и «Мы». При анализе будут рассматриваться только те черты, которые получили балл, отклоняющийся от среднего (0) более чем на 1,0.

Как видно из представленных в табл. 2 результатов, черты, одинаково приписываемые представителями коми-пермяцкой группы самим себе («Я») и своему народу («Мы»), обнаруживают высокую согласованность. При этом выявлены только адаптивные черты, приближенные к полюсу социальной желательности, такие как трудолюбивый (отклонения от центра шкалы 0,9; 1,4 балла), миролюбивый (0,7; 0,7), щедрый (0,5; 0,6), прощающий (0,3; 0,7), тактичный (0,9; 0,1), серьезный (0,6; 0,3), скромный (-0,2; -0,7), избирательный (-0,6; -0,1), сотрудничающий (-0,2; -0,3), веселый (-0,1; -0,4), практичный (0,2; 0,2), осторожный (-0,1; -0,2), откровенный (0; -0,4). Хотя социальную желательность черт можно объяснить тем, что при описании себя и своего народа чаще всего прослеживается тенденция оценивать их позитивно. Но при этом важно то, что мы видим их явную соотносимость.

Проявление социально желательных черт оценивалось следующим образом. «Типичный коми-пермяк» скорее миролюбивый (отклонения 0,7; 0,7), чем боевитый (балл 0 означает, что отклонение отсутствует), скорее спокойный (0; 0,4),

Таблица 2

**Средние значения оценок стимульных объектов методики
семантического дифференциала**

Шкала	Я	Мы
+ критичный – легковверный –	-0,5	0,4
-недоверчивый – доверчивый +	0,4	1,0
- агрессивный – миролюбивый +	1,7	1,7
+ боевитый – пассивный –	-0,4	0,1
+ веселый – угрюмый –	-1,1	-1,4
- легкомысленный – серьезный +	1,6	1,3
- бестактный – тактичный +	1,9	1,1
+ откровенный – лицемерный –	-1,0	-1,4
+ гибкий – негибкий –	-0,9	-0,5
- переменчивый – упорный +	0,4	0,6
- возбужденный – спокойный +	0,7	1,4
+ активный – инертный –	-0,6	-0,7
+ скромный – претенциозный –	-1,2	-1,7
- скупой – щедрый +	1,5	1,6
- самоуверенный – застенчивый +	-0,1	0,5
+ уверенный – неуверенный –	-0,8	-0,5
+ принципиальный – приспособленный –	0,0	0,7
- непрактичный – практичный +	1,2	1,2
- придирчивый – прощающий +	1,3	1,7
+ избирательный – неразборчивый –	-1,6	-1,1
+ осторожный – бесшабашный –	-1,1	-1,2
- робкий – смелый +	0,2	0,2
- мягкотелый – твердый +	0,4	0,2
+ мягкий – жесткий –	-0,9	-1,0
+ сотрудничающий – несотрудничающий –	-1,2	-1,3
- зависимый – независимый +	-0,1	0,3
- заторможенный – раскрепощенный +	1,2	0,8
+ организованный – импульсивный –	-1,0	-1,0
+ восторженный – озабоченный –	-0,3	-0,4
- ленивый – трудолюбивый +	1,9	2,4
Количество дезадаптивных черт	0	0

чем активный, скорее практичный (0,2; 0,2), чем принципиальный, скорее осторожный (-0,1; -0,2), чем смелый, скорее сотрудничающий (-0,2; -0,3), чем независимый, скорее трудолюбивый (0,9; 1,4), чем восторженный.

К тому же коми-пермяки одновременно приписывают адаптивные свойства из одномерных четырехпозиционных моделей и себе, и своему народу. Среди них были отмечены такие черты, как веселый (отклонения -0,1; -0,4) и серьезный (0,6; 0,3), тактичный (0,9; 0,1) и откровенный (0; -0,4), скромный (-0,2; -0,7) и щедрый (0,5; 0,6), прощающий (0,3; 0,7) и избирательный (-0,6; -0,1), раскрепощенный (0,2; 0) и организованный (0; 0).

Анализ данных показывает, что интериоризированный образ *Мы* представляет собой персонифицированные позиции в пространстве этнокультурного мира. На основе *соотношения Я и Я в Других* по ряду характеристик происходит становление этнической идентичности индивидов.

Функция. В гуманитарных науках подчеркиваются этнические функции культуры, которые служат генеральной цели — психологической защите этнических субъектов в аспекте систематизации и поддержания картины мира, адаптации к условиям жизнедеятельности (см.: Садохин, Грушевицкая, 2000, с. 181).

Существующие транскультурный и культурный подходы в психотерапии и психопрофилактике психических расстройств приписывают культуре защитную функцию в плане сохранения психического здоровья нации (см.: Короленко и др., 2000). Исследования в рамках транскультурного подхода проводятся с учетом эмически-этических установок (см.: Brislin et al., 1973). Эмик-направленность включает изучение феномена «изнутри» культуры в его соотношениях с другими внутрикультурными элементами. Этик-направленность имеет сравнительный характер и ориентирована на выделение изучаемых феноменов из локальной специфики. Ее целью является идентификация и сравнение эквивалентных феноменов разных культур.

Транскультурный подход позволяет опираться в разных культурах на эквивалентные культурные категории и тем са-

мым переносить используемые им методы в разные культурные среды, но при этом учитывать значительные локальные различия в психопатологии. Исследователи, придерживающиеся данного подхода, опираются на транскультурную модель идентичности. Так, E. Corin et al. (1994) выделяют три уровня идентичности. Первый уровень представлен корневой идентичностью (root identity), являющейся результатом воздействия исходной культуры, в которой происходила социализация человека. Второй — гражданской идентичностью (citizenship identity), основывающейся на процессе усвоения гражданских прав и социального участия в жизни страны, в которую человек иммигрировал. Третий уровень — это реконструированная идентичность (reconstructed identity), которая сформировалась в процессе сепарации от исходной культуры, эмиграции и переселения в новую страну с ее другой культурой.

С позиций исследователей данного направления, основы идентичности связаны с глубокими переживаниями, иногда духовного порядка, которые становятся главными ориентирами для личности в дальнейшем. Культурное ядро обнаруживает себя в случаях тяжелого стресса, при возникновении проблем, связанных с психическим здоровьем. Y. S. Phinney (1991) обращает внимание на то, что этническая идентичность меньшинства в доминирующей культуре связана непосредственно с отношением к нему. Если это отношение положительное, то формируется позитивная этническая идентичность, что в свою очередь благотворно влияет на *эго*-идентичность и самооценку представляющих меньшинство.

Культурный подход назначает главенствующую роль в профилактике психических расстройств и отклонений в психическом развитии человека культуре народа. Так, отечественный этнофункциональный подход (см.: Сухарев, 1998) выдвигает на первый план этнические параметры и их противоречия как весьма существенные для психической жизни человека в современной культурно-исторической ситуации. Эти положения нашли свое подтверждение в психологических, экспериментально-полевых и клинических исследованиях. Результаты исследований позволяют предположить, что психические расстройства и отклонения в психическом развитии могут быть, помимо прочих факторов, обусловлены эт-

нокультурным дизонтогенезом, связанным как с нарушением последовательности развития отношений к природно-культурной среде, качеством проработки этих отношений, так и с нарушением этнофункциональной согласованности содержания этих отношений с регионом рождения и проживания и этнического самосознания конкретного человека.

Полученные данные используются при разработке программ социальной профилактики психических расстройств у населения различных регионов, в определенных социокультурных ситуациях и др. Кроме того, они становятся основой для дополнения традиционных терапевтических схем при лечении аффективных расстройств с помощью этнопсихотерапевтической методики, суть которой заключается в попытке гармонизации этнокультурной внешней и внутренней среды больного.

Основная идея рассматриваемых подходов с учетом их методологических установок раскрывает роль функции культуры в этиологии психических расстройств.

В сфере межэтнических отношений и групповой перцепции американские исследователи Дж. Берри и М. Плизент (Berry, Pleasants, 1984) установили такую социально-психологическую закономерность: уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности обуславливает уважение по отношению к аутгруппам, готовность к участию в совместной деятельности, обмену идеями, установками. Ученые утверждают, что по своей сути этноцентризм не может быть основанием для выживания и оптимального существования этнических групп. Предпосылкой реальной уверенности в целостности группы может явиться толерантность как антитеза этноцентризму.

По результатам исследований, проведенных отечественными этнопсихологами (см.: Лебедева, 1993, 1997а, 1997б, 1998), была выявлена прочная устойчивая связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью. Согласно Н. М. Лебедевой, в неблагоприятных социально-политических условиях данная связь может разрушаться или становиться обратной, активизируя механизмы психологической защиты, что выражается в росте негативных гетеростереотипов, этноцентризма, этнической интолерантности (см.: Лебедева, 1999, с. 260).

Явление этнической интолерантности (или неадекватности группового восприятия) Н. М. Лебедевой рассматривается преимущественно как негативное восприятие иной этнической культуры при сверхпозитивном восприятии собственной или как широко известное явление ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации в социально-перцептивной сфере.

Неадекватность группового восприятия или межгрупповая (межэтническая) интолерантность в сфере социальной перцепции вызывается активизацией процессов внутригрупповой суггестии (направленных на «сплочение» группы) и внешнегрупповой контрсуггестии (перцептивного «отдаления» от иной культуры). Эти процессы выступают в роли механизмов социально-психологической защиты от инокультурного влияния и служат сохранению группы как единого и целостного субъекта межгруппового взаимодействия, сохранению ее культурной идентичности и, возможно, культуры в целом.

Степень активизации механизмов социально-психологической защиты, по утверждению Н. М. Лебедевой, зависит в основном от двух факторов:

- 1) от культурной дистанции (чем более непохожей, отличной от своей собственной воспринимается другая культура, тем сильнее ее представители могут развивать механизмы социально-психологической защиты от инокультурного влияния в виде внутригрупповой суггестии и внешнегрупповой контрсуггестии, которые ведут к увеличению неадекватности межгруппового восприятия и этнической интолерантности);

- 2) от степени целостности и самостоятельности группы как субъекта межэтнического взаимодействия (нарушение целостности группы под влиянием каких-либо внешних причин может привести к угрозе позитивной групповой идентичности ее членов и вследствие этого активизировать защитные механизмы внутригрупповой суггестии — в целях повышения позитивной групповой идентификации и внешнегрупповой контрсуггестии — в целях перцептивного «отдаления» от других групп. Это неизбежно приводит к неадекватности межгруппового восприятия и аутгрупповой (этнической) интолерантности (см.: Лебедева, 1999, с. 258 — 259).

Данный подход предлагает взглянуть на происхождение феномена неадекватности группового восприятия со стороны самой оценивающей группы. Отсюда общая схема генезиса межгрупповой интолерантности Н. М. Лебедевой представляется следующим образом (Лебедева, 1999, с. 259):

*Утрата внутренней сбалансированности,
трудность адаптации к новому состоянию
(в результате контакта с «далекой»
культурой или утраты целостности группы)*

Угроза позитивной групповой идентификации

*Активизация механизмов социально-психологической
защиты (внутригрупповой суггестии
и внешнегрупповой контрсуггестии)*

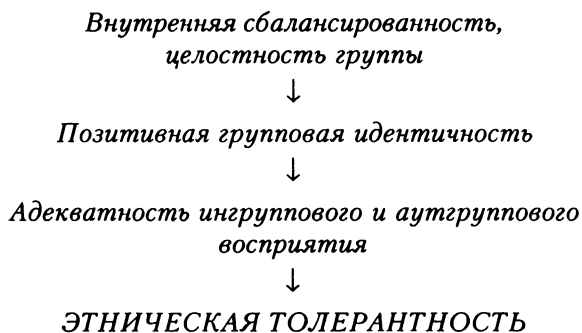
*Возникновение неадекватности ингруппового
и аутгруппового восприятия (этнической
интолерантности, этноцентризма, шовинизма)*

Рассматриваемая модель генезиса неадекватности группового восприятия как результата психологической защиты в сфере социальной перцепции позволяет более тонко и адекватно анализировать процессы межгруппового восприятия. При этом выясняется их истинная природа и направленность, различаются естественные проявления неадекватности группового восприятия как функции психологической защиты и психологические проявления этноцентризма и национализма как манипулятивные акции в политических целях.

При таком понимании происходит децентрация фокуса с *Я* на *Другого*, и это — единственно возможный путь установления подлинно нравственного отношения к окружающему миру во всех его проявлениях. На основании такого подхода могут быть предложены и осуществлены конструктивные, а не силовые решения межэтнических конфликтов, что позволяет избежать последних или способствовать ослаблению их трагических исходов (см.: Лебедева, 1999, с. 260).

Социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью объясняет, что в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью. В неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распадаться или становиться обратной. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней — и толерантности.

Выявленная социально-психологическая закономерность позволяет обозначить общую схему генезиса этнической толерантности:

Подобный взгляд на проявления этнической толерантности как следствие позитивной этнической идентичности, на проявления интолерантности как результат действия механизмов социально-психологической защиты этнической группы позволяет более глубоко постичь природу психологических механизмов человеческой саморегуляции, результатом и целью которых является сохранение этнокультурного мира.

В связи с этим Н. М. Лебедевой (см.: Лебедева, 1999, с. 22 — 23) были сформулированы важные задачи этнопсихологической науки.

1. Формирование позитивной этнической и культурной идентичности. Перед исследователем стоит непростая задача понять и объяснить этническую культуру, ее духовно-

философскую сущность, специфические культурные механизмы регуляции сознания и поведения человека, особенно механизмы преодоления кризисов и стрессовых ситуаций, специфику ценностной структуры культуры, типы ее социальной организации, принципов внутри- и внешнегруппового взаимодействия.

Это необходимо для того, чтобы представители той или иной культуры смогли понять культурные нормы и правила, существующие как на объективном уровне, так и на субъективном, являющиеся внутренними регуляторами их поведения, смогли это увидеть и оценить, сделать выбор на основе собственной личностной структуры ценностей и убеждений. Это поможет им в ситуации открытой и направленной на них интолерантности понять ее причины, увидеть, что негативность в оценивании их культурных качеств представителями других культур есть результат неадекватности межгруппового восприятия. Это есть путь формирования стойкой и осознанной позитивной идентичности, которая является единственным надежным буфером как на пути этнической маргинальности и психических расстройств, так и на пути формирования иррациональной этнической нетерпимости.

2. Формирование этнической толерантности на групповом и личностном уровне. Для формирования и поддержания этнической толерантности необходимо понять межкультурные различия, дабы осознать сходство культур на духовно-нравственных основах, единство общечеловеческих ценностей.

На основании вышесказанного можно предположить, что основная функция этнической идентичности, осуществляющей одновременно интегративные и дифференциальные процессы группового взаимодействия, заключается в реализации аутентичных ин- и аутгрупповых отношений с целью сохранения целостности культурного мира, с одной стороны, этнокультурных и общечеловеческих ценностей — с другой.

Согласно Н. М. Лебедевой, этническая идентичность человека по сравнению с другими видами идентичности является одной из самых древних и устойчивых форм информационного структурирования мира (см.: Лебедева, 1993, с. 173), самоопределенности человека в целях удовлетворения фундаментальной потребности в его собственной человеческой со-

стоятельности, оптимальной жизнедеятельности в сложном категориальном этнокультурном континууме.

Рассмотрим результаты эмпирического исследования, задачей которого являлось подтверждение социально-психологической закономерности связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью на индивидуальном (поведенческом) уровне. В исследовании участвовали 98 человек в возрасте от 20 до 40 лет (55 русских, 43 удмурта), проживающих в г. Ижевске Удмуртской Республики. Неоднородность группы по этническому составу обеспечивала выявление универсальных закономерностей, что позволяет переносить их на другие этнические группы. В ходе исследования использовались две методики: «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой (Солдатова, 1998) и «Коммуникативная толерантность» В. В. Бойко (Бойко, 1996).

В методической разработке «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой *толерантность — интолерантность* в межэтнических отношениях является ключевой социально-психологической характеристикой. Степень этнической толерантности оценивается на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении к собственной и другим этническим группам, уровня порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, степени выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам.

Типы идентичности с различным качеством и степенью выраженности этнической толерантности выделяются на основе широкого диапазона шкалы этноцентризма начиная от «отрицания» идентичности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе, до национального фанатизма — апофеоза нетерпимости и высшей степени негативизма по отношению к другим этническим группам.

Коммуникативную толерантность В. В. Бойко рассматривает как характеристику отношения человека к другим, показывающую степень переносимости им неприятных или неприемлемых, по его мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию (см.: Бойко, 1996, с. 200 — 218). Данная характеристика является стержневой,

ибо в значительной мере определяет жизненный путь и деятельность человека. При этом ее можно рассматривать как системообразующую, поскольку с ней согласуются и составляют некий психологический ансамбль многие другие качества, прежде всего нравственные, характерологические и интеллектуальные. Особенности коммуникативной толерантности могут свидетельствовать о психическом здоровье, внутренней гармонии или дисгармонии, способности к самоконтролю и самокоррекции.

Механизм возникновения и проявления коммуникативной толерантности, согласно В. В. Бойко, связан со спецификой эмоционального отражения личностных различий. Каждый человек своеобразно реагирует на существующие различия в сфере тех или иных проявлений личности между ним и другими. Некоторые различия кажутся неприятными и потому осуждаются либо раздражают или вовсе неприемлемы. Негативную оценку в партнере способны вызвать как незначительные, так и существенные для совместной деятельности личностные особенности, при этом катализатором переживаний могут стать и трудные обстоятельства совместной деятельности, и мнение окружающих, и опыт совместной жизнедеятельности.

Решающую роль в проявлении коммуникативной толерантности играет совместимость или несовместимость качеств партнеров. Иными словами, партнеры соотносят и оценивают качества и состояния друг друга на уровне отдельных подструктур личности. Коммуникативная толерантность проявляется в тех случаях, когда человек либо не видит особых различий между подструктурами своей личности и личности партнера, либо не испытывает негативных переживаний по поводу этих различий.

Таким образом, чем меньше неприятных и неприемлемых для себя различий находит человек в другом, тем выше у него уровень коммуникативной толерантности, тем реже он осуждает индивидуальность другого или раздражается по поводу его отличительных особенностей. Повышение уровня толерантности происходит в том случае, если человек научается двум вещам: во-первых, преодолевать или сглаживать негативные впечатления от различий между подструктурами

своей личности и личности партнера, во-вторых, устранять обстоятельства, вызывающие или подчеркивающие эти различия.

Человек, обладающий высоким уровнем коммуникативной толерантности, достаточно уравновешен, предсказуем в своих отношениях с партнерами и совместим с очень разными людьми. Благодаря этим достоинствам создается психологически комфортная обстановка для совместной деятельности. Общаясь с толерантной личностью, люди испытывают комфортное состояние.

Отсутствие же коммуникативной толерантности или ее низкий уровень объясняются негативными реакциями индивида на обнаруженные различия между подструктурами своей личности и личности партнера. Чем отчетливее негативные переживания человека по поводу своеобразия другого, тем ниже уровень толерантности, тем труднее демонстрировать расположение к партнеру, принимать его во всех или некоторых проявлениях, сдерживать недовольство им. Человек с пониженным уровнем коммуникативной толерантности является источником негативной эмоциональной энергии.

О низком уровне коммуникативной толерантности свидетельствуют следующие особенности поведения: неприятие других, эгоцентризм, категоричность в оценках, некоммуникабельность, стремление изменить других, подстроить их под себя, неумение прощать, нетерпимость к дискомфорту, неумение приспособливаться. Интегральный показатель выражает степень выраженности коммуникативной интолерантности.

По результатам обработки данных испытуемые были разделены на группы по степени выраженности (низкой и высокой) различных типов этнической идентичности. Результаты сравнения показателей коммуникативной интолерантности в группах испытуемых с различной степенью выраженности этнической идентичности представлены в табл. 3.

Обратимся к тем испытуемым, у которых показатели этнической идентичности имеют высокие значения, что позволяет говорить о сильной выраженности у них того или иного типа идентичности. Испытуемые с высокой выраженностью этнической индифферентности отличаются заниженными по-

казателями категоричности в оценках других, стремления изменить других. Для испытуемых с высокой выраженностью позитивной этнической идентичности характерны низкие показатели стремления подстроить другого под себя.

Таблица 3

**Показатели коммуникативной интолерантности
испытуемых с различной степенью выраженности
этнической идентичности**

Тип этнической идентичности	Коммуникативная интолерантность	
	У испытуемых с высокими показателями этнической идентичности	У испытуемых с низкими показателями этнической идентичности
Этнонигилизм	Некоммуникабельность	—
Этническая индифферентность	—	Высокая категоричность в оценках других, высокое стремление изменить других
Норма (позитивная этническая идентичность)	—	Высокое стремление подстроить партнера под себя
Этноэгоизм	Сильно выраженный эгоцентризм, высокое стремление изменить других	—
Этноизоляционизм	Сильно выраженное неумение прощать других, сильно выраженная коммуникативная интолерантность	Неумение прощать других
Фанатизм	Высокое стремление подстроить партнера под себя, неумение приспособливаться	Высокое стремление подстроить партнера под себя

Согласно Г. У. Солдатовой, индивиды с этнической индифферентностью «никогда серьезно не относятся к этническим проблемам», предпочитают оставаться в стороне от этнополитической жизни общества. Позитивная этническая идентичность для ее носителей обеспечивает баланс по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой — как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире. Поэтому позитивная этническая идентичность приобретает статус нормы. Норма — это такая система установок, на которую опираются одобряемые обществом социальные роли, определяющие позицию личности в межэтнических отношениях. В ее структуре соотносятся позитивный образ собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Этническую идентичность по типу нормы характеризует высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам (см.: Солдатова, 1998, с. 103—107).

С учетом данных, представленных в табл. 3, допускаем, что индивиды с этнической идентичностью по типу индифферентности при соотнесении подструктур своей личности и личности другого нейтральны в своих оценках. В свою очередь идентичность по типу нормы обуславливает терпимость в отсутствии сходства между собой и другими.

Испытуемые с высокой выраженностью этнонигилизма отличаются высокими показателями некоммуникабельности. С одной стороны, этнонигилистические тенденции отражают нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, могут выражаться в ощущении этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, негативизма по отношению к ним и в трудностях в общении. Отчуждение от собственной группы у этнонигилистов может активизировать общую агрессивность (см.: там же, с. 106). С другой стороны, по утверждению В. В. Бойко, они, скорее всего, не будут скрывать или хотя бы сглаживать неприятные чувства, возникающие при столкновении с людьми, не желающими участвовать в коммуникативном процессе (см.: Бойко, 1996, с. 213).

Носители этноэгоизма отличаются сильно выраженным эгоцентризмом, высоким стремлением изменить других. Этноэгоизм как относительно лояльный вид гиперидентичности может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ». При этом он порой проявляется в форме напряженности и раздражения в общении с представителями других этнических групп или признания за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет (см.: Солдатова, 1998, с. 107).

Оценивая поведение, образ мыслей или отдельные характеристики людей, индивиды с выраженным этноцентризмом рассматривают в качестве эталона самих себя. В этом плане они отказывают другому в праве на индивидуальность и своеобразное поведение, помещая его в ту или иную подструктуру своей личности. Более того, в прямом или завуалированном виде они считают себя «истиной в последней инстанции», судят о других, руководствуясь своими привычками, установками и настроениями. Кроме того, они стремятся переделать, перевоспитать участника коммуникативного процесса. В сущности, берутся за непосильную задачу — вознамериваются изменить ту или иную подструктуру личности, обновить, переподчинить или заменить ее элементы. Попытки перевоспитать другого проявляются в нравоучениях, укорах за нарушение правил поведения, замечаниях по разным поводам (см.: Бойко, 1996, с. 211, 213).

Более глубокой трансформацией этнической идентичности является этноизоляция. Его проявление — убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к брачным межнациональным союзам (см.: Солдатова, 1998, с. 107). Для индивидов, отличающихся этноизоляционизмом, характерна высокая коммуникативная интолерантность. Они не умеют прощать другому его ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные им неприятности. Это означает, что их сознание «застревает» на различиях между личностной подструктурой и подструктурой личности другого, что проявляется в негативных реакциях. Таков источник взаимных обид, стремления усложнить отношения с другими, придавать особый неприятный смысл их поступкам и словам.

Национальный фанатизм — это крайний вид гиперидентичности. Он проявляется в готовности идти на любые действия во имя каких-либо этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказе в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другим народам, признании приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдании любых жертв в борьбе за благополучие своего народа (см.: Солдатова, 1998, с. 107). Индивиды — носители национального фанатизма отличаются высоким стремлением подстроить другого под себя, неумением приспособляться. Они плохо адаптируются к характерам, привычкам, установкам или притязаниям других. Данное обстоятельство указывает на то, что приноравливание к самому себе для них функционально важнее и достигается проще, чем адаптация к другим. Во всяком случае, они стремятся менять и переделывать прежде всего другого, а не себя (см.: Бойко, 1996, с. 216).

Итак, как показали результаты исследования, толерантные поведенческие паттерны в отношениях между людьми характерны для индивидов с позитивной этнической идентичностью. В свою очередь гипоиентичность (этнонигилизм) и гиперидентичность (этноизоляционизм и национальный фанатизм) предопределяют интолерантные стратегии поведения их носителей. Причем даже при низкой их выраженности наблюдаются интолерантные поведенческие тенденции.

Человеческое сознание полифонично и диалогично в смысле множественности *Я* и широкого спектра взаимоотношений с другими. Оценка своих качеств, ценностей, поступков осуществляется с позиций множества других. Отношения образа *Я* этнических субъектов в системе интериоризированных образов *Других* определяют соответствие или несоответствие бытия человека ценностным меркам других с учетом их этнического статуса.

Каков образ *Я* индивидов с учетом их этнической идентичности, показывают результаты исследования с помощью методики «Психосемантический анализ стереотипов этнического характера» (Д. Пибоди и др., 1993), представленные в табл. 4. Образ *Я* включал в себя только те личностные черты, которые получили балл выше или ниже 1.

Таблица 4

**Средние значения оценок «Я сам» индивидов
с различными типами этнической идентичности**

Шкала	Оценка в баллах		
	Гипоидентичность	Норма	Гиперидентичность
+ критичный — легковверный —	-1,05	-0,91	-1,26
- недоверчивый — доверчивый +	0,57	1,15	1,04
- агрессивный — миролюбивый +	1,56	1,71	1,52
+ боевитый — пассивный —	-0,43	-0,57	-0,81
+ веселый — угрюмый —	-1,29	-1,88	-1,41
- легкомысленный — серьезный +	1,22	1,19	1,07
- бестактный — тактичный +	1,78	1,86	1,76
+ откровенный — лицемерный —	-0,90	-1,46	-1,30
+ гибкий — негибкий —	-1,05	-1,43	-1,33
- переменчивый — упорный +	0,57	0,48	-0,11
- возбужденный — спокойный +	0,48	0,18	0,15
+ активный — инертный —	-1,38	-1,34	-1,56
+ скромный — претенциозный —	-0,38	-0,60	-0,30
- скупой — щедрый +	0,81	1,03	0,85
- самоуверенный — застенчивый +	-0,29	-0,53	-0,52
+ уверенный — неуверенный —	-0,24	-0,70	-0,70
+ принципиальный — приспособленный —	-0,33	0,08	-0,37
- непрактичный — практичный +	1,43	1,28	1,19
- придирчивый — прощающий +	0,71	0,84	0,44
+ избирательный — неразборчивый —	-1,71	-1,23	-1,59
+ осторожный — бесшабашный —	-1,33	-0,96	-1,11
- робкий — смелый +	0,62	0,43	0,63
- мягкотелый — твердый +	0,43	0,43	-0,22
+ мягкий — жесткий —	-0,38	-0,64	-0,85
+ сотрудничающий — несотрудничающий —	-1,52	-1,82	-1,59
- зависимый — независимый +	-0,10	0,00	0,19
- заторможенный — раскрепощенный +	0,90	1,02	0,96
+ организованный — импульсивный —	-0,48	-0,23	-0,44
+ восторженный — озабоченный —	0,05	-0,34	-0,04
- ленивый — трудолюбивый +	0,90	1,07	0,89
Количество сильно выраженных адаптивных черт	4	10	2

Сравнивая характеристики образов *Я* испытуемых с различной этнической идентичностью с учетом отклонения оценочного балла от нуля более чем на 1, обнаруживаем, что индивидов с позитивной этнической идентичностью в большей степени отличает от других щедрость (1,03 балла), раскрепощенность (1,02) и трудолюбие (1,07). Более того, они скорее доверчивые (1,15), чем критичные (-0,91). В свою очередь, индивиды с гипоиентичностью, наоборот, скорее критичны (-1,05), чем доверчивы (0,57), скорее тактичны (1,78), чем откровенны (-0,90).

При сравнении составляющих образы характеристик с учетом их максимальной выраженности выявлено, что испытуемые с позитивной этнической идентичностью в большей мере отличаются от других следующими качествами: веселый (-1,88 балла), тактичный (1,86), сотрудничающий (-1,82), миролюбивый (1,71), откровенный (-1,46), гибкий (-1,43), доверчивый (1,15), трудолюбивый (1,07), щедрый (1,03), раскрепощенный (1,02). Выявленные характеристики можно категоризовать в группу *сотрудничающих-конвенциональных* черт.

Индивиды с гипоиентичностью (этнонигилизмом) в большей степени избирательны (-1,71 балла), практичны (1,43), осторожны (-1,33), серьезны (1,22). Данные поведенческие паттерны можно назвать *избирательно-рациональными*. У испытуемых с гиперидентичностью (этноцентризмом, этноизоляционизмом, национальным фанатизмом) выявлены высокая активность (-1,56) и критичность (-1,26). Эти характеристики, скорее всего, указывают на *независимо-доминирующий* тип поведения.

Итак, образ *Я* испытуемых, отличающихся позитивной этнической идентичностью, включил в себя характеристики с преобладанием конформных установок и конъюнктивных проявлений. Нонконформные тенденции отмечаются у индивидов с гипоиентичным (избирательность, практичность) и гиперидентичным (критичность и доминантность) типами этнической идентичности. Как можно заметить, интегральная гармоничность личностных черт гораздо выше у испытуемых с идентичностью в норме. Таким образом, можно допустить, что социально-психологическая закономерность связи позитивной этнической идентичности и этнической толерантности

проявляет себя и на индивидуальном уровне (в перцептивной и когнитивной сферах).

В другом исследовании испытуемым удмуртской национальности (всего 72 человека) с учетом их типа этнической идентичности было предложено оценить образы 3 доминантных народов (русских, удмуртов, татар), проживающих на территории Удмуртии, в том числе и самих себя, с помощью 42 однополюсных дескрипторов по семибалльным градуальным шкалам (от +3 до -3) (см.: Психосемантический анализ..., 2000). В результате факторного анализа показателей были выделены три значимых фактора.

Один из полюсов первого фактора с долей объяснимой дисперсии 44,1 % составили следующие шкалы с наибольшими факторными весами:

<i>Националисты</i>	0,99
<i>Жестокие</i>	0,98
<i>Враждебные</i>	0,97
<i>Соблюдают традиции своего народа</i>	0,97
<i>Конфликтные</i>	0,95
<i>Жесткие</i>	0,94
<i>Настороженно относятся к чужакам, иностранцам</i>	0,94
<i>Холодные, дистантные</i>	0,91

Максимальные баллы на этом полюсе получили стимульные объекты *русские* и *татары* на основании оценок испытуемых, характеризующихся гиперидентичностью.

Противоположный полюс первого фактора образовали шкалы:

<i>Миролюбивые</i>	-0,99
<i>Веротерпимые</i>	-0,97
<i>Дружественные</i>	-0,96
<i>Открытые, добросердечные</i>	-0,94
<i>Культура этого народа либеральна к проявлению нетрадиционных отношений</i>	-0,93

Наибольшую направленность к этому полюсу получили баллы всех стимульных объектов у испытуемых с позитивной

этнической идентичностью. Наивысшие баллы у испытуемых с гиперидентичностью получили только объекты оценивания *удмурты* и *Я сам*. У испытуемых с гипоидентичностью последние приближены к нулевому значению, т. е. получили пограничную оценку.

Анализ смыслового инварианта шкал, образовавших полюса данного фактора, позволяет интерпретировать его как фактор «Толерантность – Интолерантность». Анализируя позиции стимульных объектов испытуемых с различными типами этнической идентичности, предполагаем, что толерантными (миролюбивыми, веротерпимыми, дружественными, открытыми, либеральными) в межэтнических взаимоотношениях, скорее всего, являются испытуемые с позитивной этнической идентичностью. Как и ожидалось, высоко оценили свой народ и самих себя индивиды с гиперидентичностью. Нейтральные оценки получили все стимульные объекты, в том числе *Я сам* и *ингруппа* со стороны гипоидентичных испытуемых (рис. 5).

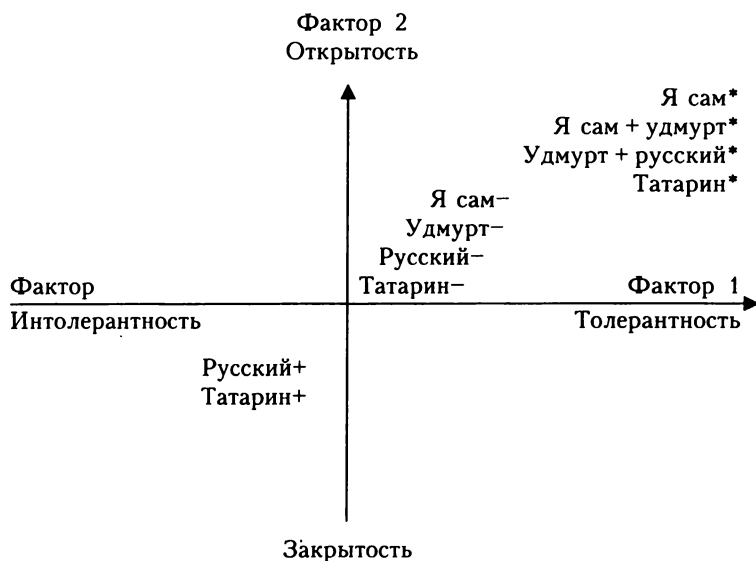

Рис. 5. Размещение стимульных объектов в семантическом пространстве 1-го и 2-го факторов, где «*» — позиции испытуемых с позитивной этнической идентичностью, «++» — с гиперидентичностью, «-» — с гипоидентичностью

Второй фактор с долей объяснимой дисперсии 18, 2% включил следующие шкалы:

<i>Приобщены к передовой цивилизации</i>	0,96
<i>Чистоплотны</i>	0,94
<i>Аккуратны в быту</i>	0,91
<i>Высоко ценят образование</i>	0,89
<i>Веселые</i>	0,85
<i>Темпераментные, экспансивные</i>	0,82
<i>Смелые</i>	0,74
<i>Обладают чувством юмора</i>	0,73
<i>Гордые</i>	0,71

На этом полюсе максимальные баллы по данному фактору получили все стимульные объекты у испытуемых с позитивной этнической идентичностью. Меньшую оценку они получили у испытуемых с гипоиентичностью. У гиперидентичных испытуемых на этом полюсе снова оказались только такие объекты оценивания, как *удмурт* и *Я сам*.

Противоположный полюс второго фактора образовали шкалы:

<i>Склонны к замкнутому образу жизни</i>	-0,78
<i>Как правило, имеют многодетные семьи</i>	-0,51

На этом полюсе ближе к пограничной оценке оказались стимульные объекты *русские* и *татары*, и то только у испытуемых с гиперидентичностью. Анализ шкал, образовавших полюса второго фактора, и стимульных объектов, получивших полярные оценки, позволяет интерпретировать его как фактор «Открытость — Закрытость». Испытуемые с позитивной этнической идентичностью себе, народу, к которому они принадлежат, представителям других национальностей в большей степени приписывают открытость для мировой цивилизации и как средство осуществления ее — активностные поведенческие характеристики. С другой стороны, закрытость русских и татар с позиций испытуемых с гиперидентичностью, скорее всего, говорит о том, что последние сами закрыты для них (см. рис. 5).

Один из полюсов третьего фактора с долей объяснимой дисперсии 13,3 % составили следующие шкалы:

<i>Склонны к алкоголизации</i>	0,89
<i>Сексуально распущены</i>	0,84
<i>Любят петь и танцевать</i>	0,77
<i>Хорошие воины</i>	0,71
<i>Смелые</i>	0,55
<i>Артистичные</i>	0,53

Соответствующие по знаку данного плюса, но небольшие по абсолютной величине баллы получили *русские* и *татары* у гиперидентичных испытуемых и *удмурты* — у гипоидентичных.

Противоположный полюс третьего фактора образовала только одна шкала:

<i>Развито уважение к старшим</i>	-0,55
-----------------------------------	-------

На этом полюсе наибольшие значения получили все стимульные объекты у испытуемых с позитивной этнической идентичностью, *удмурт* и *Я сам* — у гиперидентичных, *Я сам* и *татарин* — у гипоидентичных.

Анализ шкал, образовавших полюса третьего фактора, и стимульных объектов, получивших полярные оценки, позволяет назвать данный фактор как «*Приверженность к традициям — Отвержение традиций*». Уважение старшего поколения со стороны оцениваемых народов с позиций испытуемых с идентичностью в норме, вернее всего, указывает на проявление уважения их самих к этим народам. Как ожидалось, у гиперидентичных традиционность в форме почитания старших обнаружилась только у них самих и у своего народа. Тогда как у гипоидентичных — у себя и у аутгруппы, высоко оцениваемой ими.

Таким образом, результаты исследования этнических авто- и гетеростереотипов (особенностей восприятия типичных представителей этнических групп) с помощью психосемантического метода подтверждают психологическую закономерность в сфере социальной перцепции: позитивная этни-

ческая идентичность тесно связана с этнической толерантностью. Иначе, отношения индивидов с этнической идентичностью в норме с представителями своего народа и других этнических групп характеризуются аутентичностью, комплиментарностью, совместимостью, что обеспечивает, с одной стороны, целостность большой системы этнокультурного мира, а с другой — целостность составляющих ее элементов — этнических групп как самостоятельных субъектов межэтнического взаимодействия.

Рассмотрим результаты исследования, в котором участвовали служащие и руководители учреждений, организаций Коми-Пермяцкого округа Пермской области в возрасте 25 — 50 лет коми-пермяцкой национальности (всего 250 человек). Среди них были выделены лица с гиперидентичностью (30 человек), гипоидентичностью (30 человек) и позитивной этнической идентичностью (30 человек). Испытуемым была предложена проективная методика рисуночных ассоциаций С. Розенцвейга, предназначенная для диагностики особенностей поведения в ситуациях, связанных с появлением трудностей, помех, препятствующих достижению целей. Методика предлагалась в двух вариантах в зависимости от внутригрупповых и межэтнических взаимоотношений.

По мнению С. Розенцвейга (см.: Тест рисуночной ассоциации..., 1996), фрустрация имеет место при столкновении индивида с препятствиями на пути к удовлетворению какой-либо жизненно важной потребности. Выделяются три типа реакций по направленности во фрустрирующей ситуации:

1) экстрапунитивные, когда реакция направлена на живое или неживое окружение в форме подчеркивания степени ситуации («Эта ситуация очень меня беспокоит»), в форме осуждения внешней причины фрустрации («Вы сам плохой человек») или вменяется в обязанности другому лицу разрешить данную ситуацию («Вы сами решайте, как нам выбраться из этого положения»);

2) интропунитивные — в этом случае реакция направляется субъектом на самого себя; испытуемый принимает фрустрирующую ситуацию как благоприятную для себя («Вот и отлично, что так получилось. Я рад»), принимает вину на себя («Как всегда, я во всем виноват»), берет на себя ответствен-

ность за исправление данной ситуации («Я разрешу эту ситуацию»);

3) импунитивные реакции — фрустрирующая ситуация испытуемым не замечается или сводится к полному ее отрицанию («Это для меня не имеет никакого значения»), рассматривается с точки зрения отсутствия чьей-либо вины, осуждение избегается («Никто в этом не виновен») или выражается надежда, что время, ход событий разрешат проблему, стоит только подумать, подождать («Подождем немного, и все решится»).

Реакции различаются также по типу: с фиксацией на препятствии, когда в ответе испытуемого препятствие, вызвавшее фрустрацию, всячески подчеркивается («Какая неприятная ситуация»), или интерпретируется как своего рода благо, а не препятствие («А я очень даже рад, что это произошло»), или описывается как не имеющее серьезного значения («Меня эта ситуация не фрустрирует»); с фиксацией на самозащите — в этом случае главную роль в ответе испытуемого играет защита себя, своего Я, и субъект порицает кого-то («Она ужасный человек»), или признает свою вину («Я несчастный, я виноват»), или же отмечает, что ответственность за фрустрацию никому не может быть приписана («Ни я, ни вы в этом не виноваты»); с фиксацией на удовлетворение потребности — в этом случае ответ направлен на разрешение проблемы, реакция принимает форму требования помощи от других лиц для разрешения ситуации («Сами разрешайте ситуацию»), субъект сам берется за разрешение ситуации («Я все исправлю сам, постараюсь поправить ситуацию»), или же считает, что время и ход событий приведут к разрешению («Вопрос решится, если мы немного подождем»).

По результатам использования методики построены профили фрустрационных реакций испытуемых различных групп (табл. 5 — 10).

На основе оценок ответов были составлены групповые образцы типов тенденций по направленности реакций, типу реакций и факторам в различных условиях взаимодействия (табл. 11, 12).

Таблица 5

**Групповой профиль фрустрационных реакций
коми-пермяков с гиперидентичностью
в ингрупповых отношениях**

Направление реакций	Тип реакции			Сумма	%
	OD	ED	NP		
Е	3,03	5,73	2,34	11,10	46,25
І	1,24	3,51	2,92	7,67	31,96
М	2,81	0,89	1,53	5,23	21,79
Сумма	7,08	10,13	6,79	24,00	100,0
%	29,50	42,21	28,29	—	—

Примечание. Здесь и в табл. 6–10: Е — экстрапунитивный, І — интропунитивный, М — импунитивный тип реакций; OD — с фиксацией на препятствие; ED — с фиксацией на самозащиту; NP — с фиксацией на удовлетворение потребностей.

Таблица 6

**Групповой профиль фрустрационных реакций коми-
пермяков с гипондентичностью в ингрупповых отношениях**

Направление реакций	Тип реакции			Сумма	%
	OD	ED	NP		
Е	2,52	3,31	3,19	9,02	37,58
І	0,64	1,64	3,22	5,50	22,92
М	0,88	3,25	5,35	9,48	39,50
Сумма	4,04	8,20	11,76	24,00	100,0
%	16,83	34,17	49,00	—	—

Таблица 7

**Групповой профиль фрустрационных реакций коми-пермяков с позитивной этнической идентичностью
в игрупповых отношениях**

Направление реакций	Тип реакции			Сумма	%
	OD	ED	NP		
Е	3,56	1,09	1,55	6,20	25,83
І	1,73	0,94	2,59	5,26	21,92
М	6,83	2,27	3,44	12,54	52,25
Сумма	12,12	4,30	7,58	24,00	100,0
%	50,50	17,92	31,58	—	—

Таблица 8

**Групповой профиль фрустрационных реакций
коми-пермяков с гиперидентичностью
в аутгрупповых отношениях**

Направление реакций	Тип реакции			Сумма	%
	OD	ED	NP		
Е	4,19	6,21	2,52	12,92	53,83
І	0,22	2,25	2,67	5,14	21,42
М	2,38	3,24	0,32	5,94	24,75
Сумма	6,79	11,70	5,51	24,00	100,0
%	28,29	48,75	22,96	—	—

Таблица 9

**Групповой профиль фрустрационных реакций
коми-пермяков с гипоиентичностью
в аутгрупповых отношениях**

Направление реакций	Тип реакции			Сумма	%
	OD	ED	NP		
Е	1,56	3,31	3,81	8,68	36,17
І	1,25	2,48	6,19	9,92	41,33
М	0,70	1,58	3,12	5,40	22,50
Сумма	3,51	7,37	13,12	24,00	100,0
%	14,63	30,71	54,66	—	—

Таблица 10

**Групповой профиль фрустрационных реакций коми-
пермяков с позитивной этнической идентичностью
в аутгрупповых отношениях**

Направление реакций	Тип реакции			Сумма	%
	OD	ED	NP		
Е	3,68	1,11	1,67	6,46	26,92
І	1,23	0,98	2,87	5,08	21,26
М	6,68	2,10	3,68	12,46	51,92
Сумма	11,59	4,19	8,22	24,00	100,0
%	48,29	17,46	34,25	—	—

Таблица 11

**Частота типов, направлений реакций и факторов
в ответах коми-пермяков с различными типами
этнической идентичности в ингрупповых отношениях**

Образцы	Группа испытуемых		
	с гипериден- тичностью	с гипойден- тичностью	с позитивной идентичностью
Тип реакций	ED>OD>NP	NP>ED>OD	OD>NP>ED
Направление реакций	E>I>M	M>E>I	M>E>I
Факторы	E> <u>I</u> >E'	m>E>M	M'>E'>m

Таблица 12

**Частота типов, направлений реакций и факторов
в ответах коми-пермяков с различными типами
этнической идентичности в аутгрупповых отношениях**

Образцы	Группа испытуемых		
	с гипериден- тичностью	с гипойден- тичностью	с позитивной идентичностью
Тип реакций	ED>OD>NP	NP>ED>OD	OD>NP>ED
Направление реакций	E>M>I	I>E>M	M>E>I
Факторы	E>E'>M	i>e> <u>E</u>	M'>E'=m

Анализ показал, что коми-пермяки с различными типами этнической идентичности в этнических взаимоотношениях отличаются друг от друга по типу реакций (см. табл. 11, 12). Если для испытуемых с гиперидентичностью характерна фиксация на самозащите (защита своего Я), а с гипоидентичностью — фиксация на удовлетворении потребностей (разрешение проблемы), то испытуемые с позитивной этнической идентичностью отличаются фиксацией на препятствии. Выявленные для каждой группы реакции типичны как для внутри-, так и межэтнического взаимодействия. Анализируя направления реакций, обнаруживаем, что испытуемые с идентичностью в норме в различных условиях взаимоотношения проявляют в большей степени импунитивные реакции (трудности ситуации не замечаются или сводятся к полному ее отрицанию); испытуемые с гиперпозитивным типом — экстрапунитивные реакции (враждебность, агрессивность, порицание направлены против кого-нибудь в окружении). Отличились испытуемые с гипоидентичностью. Если в условиях межгруппового взаимодействия они берутся сами разрешать ситуацию, открыто признавая свою ответственность или намекая на нее (интропунитивные реакции), то в условиях ингрупповых отношений выражается надежда на то, что постепенно проблемы разрешатся сами собой (импунитивные реакции).

Стало быть, лица с разными типами этнической идентичности неодинаково ведут себя в преодолении трудностей, связанных с достижением поставленной цели в различных ситуациях этнических взаимоотношений. Обнаружено, что гиперидентичные индивиды отличаются самозащитными реакциями в конфликтной ситуации, проявляя интолерантность в условиях ин- и аутгрупповых взаимоотношений. Индивиды с идентичностью в норме фрустрирующую ситуацию стараются нейтрализовать, не замечая или отрицая ее, проявляя тем самым фрустрационную терпимость. Гипоидентичные испытуемые самостоятельно решают проблемы, либо берут ответственность на себя в аутгрупповых отношениях, либо уверяют в том, что время и ход событий приведут конфликт к разрешению — в ингрупповых.

Далее у испытуемых трех групп были подсчитаны индексы направленности и трансформации агрессии (табл. 13).

Таблица 13

**Индекс направленности и трансформации агрессии
в зависимости от типа этнической идентичности
коми-пермяков в ингрупповых и аутгрупповых отношениях**

Показатель	Группа испытуемых					
	с гиперидентичностью		с гипойдентичностью		с позитивной идентичностью	
	1	2	3	4	5	6
Взаимодействие	Ин	Аут	Ин	Аут	Ин	Аут
Индекс направленности агрессии, N	1,63	2,76	2,02	1,33	1,16	1,13
Индекс трансформации агрессии, T	2,45	2,46	1,04	0,87	0,70	0,66
Разница в количественном выражении индексов N	1,13		0,69		0,03	
Разница в количественном выражении индексов T	0,01		0,17		0,04	

Примечание. Ин — ингрупповые взаимоотношения, Аут — аутгрупповые взаимоотношения.

Индекс направленности агрессии выражает тенденцию направлять агрессию на другого или на себя. Если индекс больше 1, то считается, что агрессия направлена на другого, если меньше 1 — то на себя. При нормальном личностном реагировании на фрустрацию индекс должен равняться 1 или быть близким к ней (и в числителе, и в знаменателе — реакции самозащитного типа). Индекс трансформации агрессии выражает компенсацию агрессии требованиями или ожиданиями решения проблем другими (в числителе — реакция самозащитного типа, в знаменателе — потребностно-настойчивого). При индексе меньше 1 считается, что агрессия трансформируется, и наоборот.

Полученные результаты позволили выявить следующие тенденции. Индексы направленности агрессии (N) в ин- и аутигрупповых взаимоотношениях испытуемых с позитивной этнической идентичностью почти одинаковы ($N_5 = 1,16$; $N_6 = 1,13$) с тенденцией приближения их к 1, тогда как в других группах они отличаются. Испытуемые с гиперидентичностью во взаимоотношениях с аутигруппой в большей степени проявляют агрессию и направляют свои порицания против других ($N_2 = 2,76$) в сравнении с ингрупповыми отношениями ($N_1 = 1,63$). Гипоидентичные, напротив, к ингруппе более претенциозны ($N_3 = 2,02$), чем к представителям других этнических групп ($N_4 = 1,33$). Как показывают данные, во взаимоотношении с другими они чаще всего осуждают себя (см. табл. 9), у них доминируют чувство вины и угрызения совести. Обращает на себя внимание то, что у представителей с идентичностью в норме индекс направленности агрессии на «своих» чуть больше 1, но при этом гораздо меньше, чем у представителей других групп.

Что касается индекса трансформации агрессии (Т), то обнаружено, что у испытуемых с гиперидентичностью трансформации агрессии не происходит. В условиях ингрупповых отношений индекс трансформации агрессии гораздо выше ($T_1 = 2,45$), чем индекс ее направленности ($N_1 = 1,63$). Очевидно, что в отношениях со «своими» (см. табл. 5) гиперидентичные индивиды чаще берут ответственность на себя, чем ожидают разрешения ситуации от других. И, наоборот, во взаимоотношениях с «чужими» (см. табл. 8) они требуют разрешения конфликтной ситуации от последних при усиленном отрицании собственной вины. У гипоидентичных испытуемых выявлена обратная картина. В отношениях с аутигруппой (см. табл. 9) они ожидают помощи от нее в разрешении конфликтной ситуации, при этом признавая собственную вину, что не проявляется в отношениях с ингруппой (см. табл. 6). Индивиды с позитивной этнической идентичностью в ин- и аутигрупповых отношениях (см. табл. 7, 10) компенсируют агрессию, которая у них и так невелика, за счет потребности найти конструктивное решение в сложившихся конфликтных ситуациях.

Как показали результаты, межличностные взаимоотношения индивидов с гиперидентичностью в ситуации фрустра-

ции отличаются преобладанием дизъюнктивных (конфликтных) проявлений и неконформных тенденций. Лица же с позитивной этнической идентичностью в подобной ситуации не склонны проявлять негативные реакции. В противном случае эти реакции компенсируются потребностью разрешить трудную ситуацию во взаимодействии с другими, будь то представители своего народа или члены иноэтнических групп.

Итак, результаты проведенных эмпирических исследований подтвердили социально-психологическую закономерность связи позитивной этнической идентичности и этнической толерантности на социальном уровне (в сфере ин- и аутгруппового восприятия) и при этом позволили выявить ее на индивидуальном уровне (перцептивном, когнитивном, поведенческом).

Стало быть, к основной функции позитивной этнической идентичности по праву можно отнести обеспечение толерантности во внутри- и межгрупповых отношениях с целью сохранения целостности и самостоятельности этнических групп — субъектов взаимодействия и тем самым — целостности их этнокультурного мира, а значит, и всего культурного универсума.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во введении был сформулирован ряд вопросов, которые в работе должны были найти свои ответы. Насколько это получилось, решать читателю. Хочется надеяться, что в ходе ознакомления с книгой читатель уяснил, какую цель преследовал автор, начиная свою работу с анализа проблем идентификации в раннем детстве, продолжая рассмотрение личностной и социальной идентичности на конкретных этапах жизненного цикла человека и, наконец, остановившись на предмете исследования — этнической идентичности.

Каждая из рассмотренных видов идентичности выполняет имманентную функцию в регуляции поведения человека как на конкретном этапе возрастного развития, так и в целостности человеческой идентичности. Идентификация в детстве обеспечивает взаимную зависимость и взаимное признание между ребенком и его родителями для реализации базисной потребности в собственной защите и безопасности, осуществления контроля над собой и собственной регуляции поведенческих актов. Личностная идентичность, способствующая согласованию внутреннего содержания *Я* и его внешних проявлений (поступков, поведения), осуществляет адаптационную функцию в плане соотнесения *Я* с внешним окружением с целью реализации базисной потребности быть принятым и признанным значимыми другими. Социальная идентичность в результате сравнения *Я* с другими членами группы определяет его в системе социальных (групповых) взаимоотношений для обеспечения его базисной потребности принадлежать группе и объединяться с ней с целью самосохранения и собственной защиты. Этническая идентичность в результате соотношения *Мы* и *Они* определяет человека в системе межгрупповых отношений для обеспечения базисной потребности человека в устойчивом и надежном способе как своего существования и жизнедеятельности, так и человечества в целом в поликультурном пространстве, защищая и сохраняя и этнокультурные, и общечеловеческие ценности.

Формы регуляции социального поведения человека трансформируются в онтогенезе при переходе от одного к другому

виду идентичности или расширении регулятивных возможностей идентичности в полной ее конфигурации. *Зависимость* ребенка от его родителей для осуществления саморегуляции и самоконтроля — на уровне идентификации, *адаптация* личности к социальному окружению с целью сохранения целостности индивидуальности ее опыта — на уровне личностной идентичности, *сплоченность* с группой для самозащиты — на уровне социальной идентичности, и, наконец, *толерантность* с целью оптимальной жизнедеятельности в этнокультурном мире — на уровне этнической идентичности. Генез регулирующих функций при усложнении самокатегоризации начинается с эмоциональной зависимости на низшем уровне, продолжается активным взаимодействием — на среднем и завершается пониманием — на высшем.

Механизм идентичности по мере усложнения процесса абстрагирования категорий на соответствующем уровне реализуется на основе *соответствия, сопоставления, противопоставления и соотношения Я и Другого*. Этот процесс можно сопоставить с онтогенезом самосознания человека — развитием его способности самоопределять себя в собственной жизнедеятельности, возникающей в со-бытийной общности, с эмоционально-смысловой оценкой самого себя как субъекта полноценной со-деятельности с другими.

Внешнее окружение может являться или же предпосылкой и условием становления человеческой реальности на индивидуальном уровне в процессе роста и созревания, на личностном уровне в ходе становления субъективности как целостности проявлений человеческой психологии, или же движущей силой и источником развития в процессе социализации личности. Очевидно, что человеческий индивид никогда и нигде не может быть вне его связи с другими. Он всегда существует и развивается в культурном человеческом сообществе. Наличие этих связей и сам их характер, трансформация их в систему разнообразных отношений с культурным миром и образуют единство исходных предпосылок и условий развития. Человек рождается не в качестве отдельного существа в предметной реальности, а в культурно-историческом пространстве наличной социальности. Своим вхождением в это пространство он преобразует жизнедеятельность других в спо-

соб своего существования, когда *Я* и *Я в Другом*, *Другой* и *Другой во мне* становятся аутентичными, комплиментарными друг другу, совместимыми друг с другом. Вот в этом суть *толерантности* отношений *Я* с *Другими* — носителями многообразных культурных ценностей.

Толерантность рассматривается как феноменологическая репрезентация позитивной этнической идентичности в сфере жизнедеятельности человека в полиэтническом пространстве. Полноценно проявляя себя, этническая идентичность исполняет, свершает *толерантность* во взаимосвязи разных человеческих жизней, где *Я* для *Другого* и *Другой* для *Я* есть фундаментальные онтологические основания самой возможности способа существования человеческой реальности, основания оптимального осуществления полноценной жизни человека в этнокультурном мире.

Автор убежден:

*ТОЛЕРАНТНОСТЬ есть modus vivendi —
оптимальный способ существования поликультурного
человеческого сообщества.*

Библиографический список

- Агеев В. С., Толмасова А. К. Теория социальной идентичности и ее эмпирические верификации // Психология самосознания. Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2000. С. 624–640.
- Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопр. психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
- Артановский С. Н. Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 22.
- Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
- Бахтин М. М. 1961 год. Заметки // Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 329–360.
- Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка / Моск. психолого-соц. ин-т. М.; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000.
- Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информ.-изд. дом «Филин», 1996.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Бубер М. Диалог // Два образа веры. М.: АСТ, 1999а. С. 122–161.
- Бубер М. Проблемы человека // Там же. 1999б. С. 162–300.
- Бубер М. Я и Ты // Там же. 1999в. С. 24–121.
- Введение в культурологию / Под ред. Е. В. Попова. М.: Владос, 1995.
- Винер Б. Е. Этничность в поисках парадигмы изучения // Этнограф. обозрение. 1998. № 4. С. 3–26.
- Владыкин В. Е. Удмурты в составе Русского государства // Удмурты: Историко-этнографические очерки / Науч. ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск, 1993. С. 35–40.
- Вундт В. Психология народов: В 10 т. СПб., 1900–1920.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
- Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопр. психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
- Дробужева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Зеленин Д. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904.
- Зинченко В. П. От классической к органической психологии // Вопр. психологии. 1996. № 5. С. 7–20; № 6. С. 6–25.
- Иванова Т. В. Изучение этнических стереотипов с помощью проективных рисунков // Там же. 1998. № 2. С. 79–92.
- Ислаев Ф. Г. О происхождении пермских татар. Казань, 1995.
- Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона / АН Респ. Татарстан; ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Казань, 1993. С. 38.
- Качанов Ю. Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентично-

сти личности как агента социальных отношений // Психология самосознания. Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2000. С. 613–623.

Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы междунар. коф. М.: Наука, 1994. С. 35–70.

Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность в норме и патологии / НГПУ. Новосибирск, 2000.

Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: «Когито-Центр»; Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1997.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. С. 346.

Кулбахтин Н. М. Из истории гайнинских башкир. Уфа: Китап, 1996.

Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1993.

Лебедева Н. М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: «Старый сад», 1997а. С. 104–115.

Лебедева Н. М. Социально-психологические закономерности аккумуляции этнических групп // Там же. 1997б. С. 271–289.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пособие для студентов психол. и этнол. спец. М.: «Старый сад», 1998.

Левкович В. П., Андрущак И. Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен (на материале исследования этнических групп Узбекистана) // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 2. С. 70–80.

Левкович В. П., Кузмицкая Л. Д. Формирование этнического сознания подростка в семье // Там же. 1992. Т. 13, № 6. С. 35–42.

Левкович В. П., Панкова Н. Г. Проблемы формирования этнического самосознания у детей в работах зарубежных ученых // Сов. этнография. 1973. № 5. С. 123–131.

Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. С. 42–46.

Пермские татары: Сб. ст. / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова; Отв. ред. А. З. Халиков. Казань, 1983. С. 114.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.

Пибоди Д., Шмелев А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросс-культурный аспект // Вопр. психологии. 1993. № 3. С. 101–109.

Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. СПб., 1813.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.

Приуральские татары [Сб. ст.] / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова; Отв. ред. Д. М. Исхаков. Казань, 1990.

Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости / Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердникова К. В. и др. М.: Смысл, 2000.

Рыбаков С. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. № 7. С. 280.

Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: Учебник для высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия»; Высш. шк., 2000.

Снежкова И. А. К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества (по материалам Киевской и Закарпатской областей) // Сов. этнография. 1982. № 1. С. 80–88.

Солдатова Г. У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация // Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 296–366.

Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 40–63.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учеб. для студентов вузов по специальности «Психология». М.: Академический проект, 1999.

Сухарев А. В. Этнофункциональная психология: исследования, психотерапия / Ин-т этнологии и антропологии РАН. Координационно-метод. центр «Народы и культуры». М., 1998.

Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект; ИП РАН; Екатеринбург: Деловая книга, 1999.

Тест рисуночной ассоциации С. Розенцвейга: Метод. рекомендации для психологов / Сост. А. Ф. Радевич; Благотворит. обществ. фонд развития образования. Ижевск, 1996.

Тишков В. А. О феномене этничности // Этнограф. обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.

Флейк-Хобсон К., Робинсон Б. Е., Скин П. Мир восходящему: Развитие ребенка и его отношений с окружающими / Пер. с англ.; Общ. ред. и предисл. М. С. Мацковского. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1992.

Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / Пер. с нем. М., 1925.

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.

Хомяков М. Б. Различия? Отлично! // Поиск. 2001. № 42 (648). С. 10.

Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.

Хотинец В. Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человека // Вopr. психологии. 2001. № 5. С. 60–73.

Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / Ин-т этнологии и антропологии РАН; Под ред. Л. М. Дробизевой. М., 1994.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995.

Шкляев Г. К. Межнациональные отношения в Удмуртии // Удмурты: историко-этнографические очерки / Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН; Науч. ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск, 1993. С. 354–369.

Шкуратов В. А. Историческая психология. 2-е изд., перераб. М.: Смысл, 1997.

Шлягина Е. И., Данзаева Э. У. Зависимость актуального этнопсихологического статуса личности от ее характерологических особенностей // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 347–355.

- Шпет Г. Г.* Введение в этническую психологию. СПб.: Изд. дом «П. Э. Т.» при участии изд-ва «Алетейя», 1996.
- Эльконин Д. Б.* Избр. психол. тр. М.: Педагогика, 1989.
- Эльконин Б. Д.* Введение в психологию развития. М.: Тривола, 1994.
- Эриксон Э.* Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. / Пер. с англ. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996а.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996б. С. 308—333.
- Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности // Психология самосознания. Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2000. С. 589—601.
- Ammon G.* Dynamische Psychiatrie. Munchen: Kindler Verlag, 1996.
- Bentley G. C.* Ethnicity and practice // Comparative Studies in Society and History. 1987. Vol. 29, № 1. P. 25.
- Berry J. W., Pleasants M.* Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, N. J.: Wiley, 1984.
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R.* Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Bochner S.* The Social Psychology of Cross-cultural Relations // Cultures in Contact. Oxford, 1982.
- Bosma Y. A.* Identity development in adolescence: Coping with commitments. Proefschr. Groningen: Rijksuniv. te Groningen, 1985.
- Breakwell G. M.* Coping with threatened identities. L.; N. Y., 1986.
- Brislin R., Looney W., Thaudike R.* Cross-cultural methods. N. Y.: Wiley, 1973.
- Corin E., Das K., Reichold S., Guay L.* Les pratiques alternatives et communautaires en sante mentale dans un Quebec pluriethnique. Montreal: Unite de recherche psychosociale de l'hopital Douglas (mimeograph), 1994.
- Deschampes J.* The Social Psychology of Intergroup Relations and Categorical Differentiation // The Social Dimension (European developments in social psychology) / Ed. by H. Tajfel. Cambridge University Press, 1, 2. 1984. P. 541—559.
- Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. N. Y.; L., 1965.
- Ericson E.* Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things. Selected Papers / Ed. by S. Schlein. N. Y., 1995. P. 675—679.
- Ethnic Identity.* Creation, Conflict and Accommodation / Ed. by Romanucci-Ross L., De Vos G. Walnut Creek. L., New Delhi, 1995.
- Finkelhor D.* The sexual abuse of children. Current Research Reviewed // Psychiatric Annals. Vol. 17. 1987. P. 233—241.
- Geertz C.* The integrative revolution: primordial sentiments and civil politics in the new states // Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa. N. Y., 1963.
- Goffman E.* Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963.
- Habermas J.* Identitat // Zur Recontruction des Historischen Materialismus. Frankfurt, 1976.
- Hogg M. A., Turner J. C.* Social Identity and Conformity: A Theory of

Referent Informational Influence // Current Issues in European Social Psychology / Ed. by W. Doise, S. Moscovici. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 139–182.

Jung C. G. The archetypes and the collective unconscious // The collected works of C. G. Jung (Vol. 9). Princeton: Princeton University Press, 1969.

Kernberg O. F. Severe Personality Disorders. New Haven: Yale University Press, 1984.

Krappman L. Soziologische Dimensionen der Identität. Stuttgart: Klett, 1969.

Le Vine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior. N. Y., 1972.

Mallory M. E. Q-sort definition of Ego-identity status // J. of Youth and Adolescence. 1989. № 18. P. 399–412.

Marcia J. E. Development and validation of Ego-identity status // J. of Personality and Social Psychology. 1966. № 3. P. 551–558.

Marcia J. E. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / J. Adelson (eds.). N. Y.: Wiley, 1980. P. 159–231.

Mead G. H. Mind, Self and Society / C. W. Mowes (eds.). Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1975.

Muhlmann W. Formen der Wechselwirkung zwischen Kulturen // Das menschliche Existenz und moderne Welt. B., 1967. Bd. 2. S. 557.

Olzak S., Nagel J. Introduction, competitive ethnic relations, an overview // Competitive Ethnic Relations. Orlando, 1986. P. 5.

Phinney Y. S. Identity and Self-esteem // Hispanic J. of Behavioral Sci. 1991. № 13. P. 193–208.

Piaget J., Weil A. M. The development in children of the idea of the homeland of relations with other countries // Intern. Social Sci. Bull. 1951. Vol. 3. P. 561–578.

Rockeach M. The nature of human values. N. Y.: Free Press, 1973.

Rothbaum F., Weisz I. R. Parental caregiving and child externalizing behavior in nonclinical samples. A meta-analysis // Psychological Bull. 1994. Vol. 116. P. 55–74.

Smith A. D. The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986. P. 26–27.

Stern P. S. Why do People Sacrifice for their Nations? // Political Psychology. 1995. Vol. 16, № 2. P. 217–235.

Sumner W. G. Folkways. N. Y., 1906.

Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison // Differentiation between social groups Studies in the social psychology of intergroup relations. L.: Academic Press, 1978. Vol. 15.

Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / W. C. Austin, S. Worchel (eds.). Monterey Calif.: Brooks, 1979. P. 33–47.

Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986. P. 7–24.

Turner J. C., Hogg M. A., Oakes P. J. et al. Rediscovering the social group. A self-categorization theory. Oxford, 1987.

Waterman A. S. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and a review of research // Developmental psychology. 1982. Vol. 8, № 3. P. 341–358.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. ИДЕНТИЧНОСТЬ: РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ	
1.1. Идентификация: зависимость	7
1.2. Личностная идентичность: адаптивность	11
1.3. Социальная идентичность: сплоченность	18
ГЛАВА 1. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ	
2.1. Феномен этнической идентичности	29
2.2. Сущность этнической идентичности	63
Заключение	114
Библиографический список	117

Научное издание

Хотинец Вера Юрьевна

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Редактор *Е. И. Маркина*

Обложка *В. И. Реутов*

Верстка *Л. А. Хухарева*

Ответственный за выпуск *Ф. А. Еремеев*

Подписано в печать 21.08.2002. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Усл.-печ. л. 6,7. Уч.-изд. л. 6,9. Бумага офсетная.
Гарнитура Peterburg. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 1676.

Издательство Уральского университета
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4